

ШЕДЕВРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭЛЛИС ПИТЕРС

ПОГРЕБЕННАЯ
ВО
ЛЬДАХ

РИПОЛ КЛАССИК

Хроники брата Кадфаэля

Элис Питерс

Погребенная во льдах

«РИПОЛ Классик»

1982

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

Питерс Э.

Погребенная во льдах / Э. Питерс — «РИПОЛ Классик»,
1982 — (Хроники брата Кадфаэля)

ISBN 978-5-386-12875-3

Детективный роман английской писательницы Эллис Питерс (1913–1995) из серии о расследованиях сыщика-любителя брата Кадфаэля. В Англии, раздираемой междоусобицей, царит хаос... В Шропшире шайка разбойников разоряет фермы и усадьбы. Все происходящее связано с двумя детьми из знатного рода, попавшими в самую гущу событий. А брат Кадфаэль между тем поглощен загадкой гибели молодой женщины, погребенной во льдах...

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-386-12875-3

© Питерс Э., 1982
© РИПОЛ Классик, 1982

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	25
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эллис Питерс

Погребенная во льдах

Ellis Peters
The Virgin in the Ice

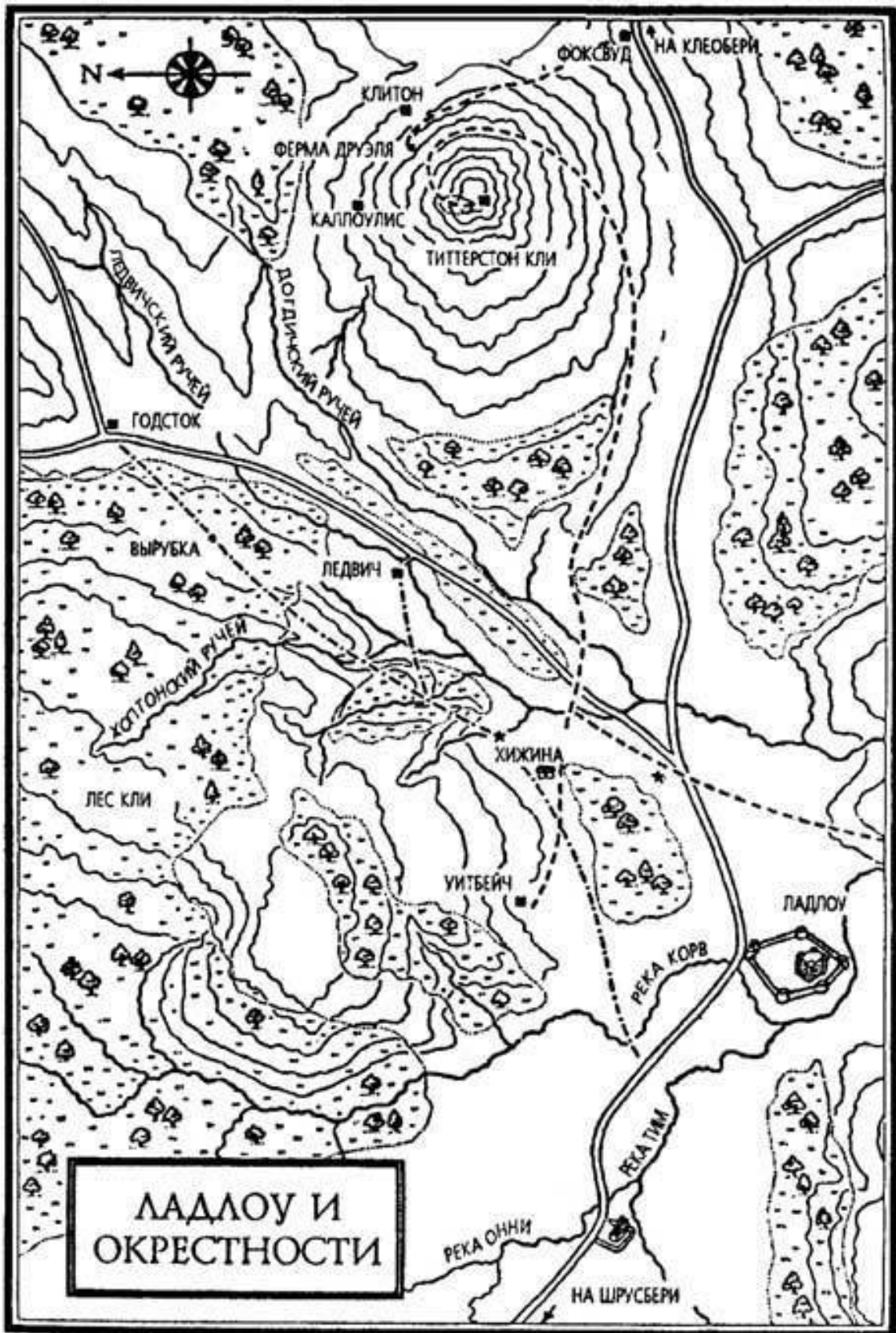
© Storyside. 2021

© Фрадкина Е. З., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

* * *

Видите того пожилого монаха
в подоткнутой рясе? Сейчас утро, и брат Кадфаэль
возится в своем садике:
собирает лекарственные травы,
ухаживает за кустами роз.
Вряд ли кому придет в голову,
что перед ним – бывший участник
крестовых походов, повидавший полмира
бравый вояка и покоритель женских сердец.
Однако брату Кадфаэлю приходится зачастую
выступать не только в роли врачевателя
человеческих душ и тел, но и в роли
весьма удачливого, снискавшего славу детектива,
ведь тревоги мирской жизни не обходят стороной
тихую бенедиктинскую обитель.
Не забудем, что действие «Хроник брата Кадфаэля»
происходит в Англии XII века,
где бушует пожар междоусобной войны.
Императрица Матильда и король Стефан
не могут поделить трон, а в подобной неразберихе
преступление – не такая уж редкая вещь.
Так что не станем обманываться
мирной тишиной этого утра.
В любую секунду все может измениться...

Глава первая

В начале ноября 1139 года поток междоусобной войны, до этого довольно вялый, внезапно взбурлил и, затопив город Вустер, унес с собой добрую половину всяческого добра и поголовья скота, а также значительную часть женского населения, обратив в бегство большинство уцелевших жителей, которые еле-еле успели унести ноги. Они сломя голову бежали от мародеров на север, чтобы укрыться в каком-нибудь маноре или аббатстве, городе или замке, где им могли бы предоставить убежище. К середине месяца беженцы добрались и до Шрусбери и, со слезами благодарности упав в гостеприимные объятия города и монастыря, принялись зализывать раны и изливать свои горести всем, кто готов был о них слушать.

Не считая больных и престарелых, эти люди были не в таком уж плачевном состоянии, поскольку зима не начала еще всерьез кусаться. Предсказывали, что вот-вот наступят жестокие холода, сильные снегопады и продолжительные заморозки, однако пока что погода была хотя и пасмурная, но мягкая: дул капризный ветер, но не подмораживало и не было снега.

– Слава Богу! – набожно сказал брат Эдмунд, попечитель лазарета. – А то нам пришлось бы хоронить не троих, а гораздо больше – ведь всем им уже за семьдесят.

Брат Эдмунд имел в виду престарелых беженцев, оказавшихся на его попечении. Ему и так приходилось нелегко, потому что всех нуждавшихся в крове не удалось разместить в странноприимном доме и на каменном полу в зале пришлось постелить толстый слой соломы. Беженцы должны были вернуться в свой разоренный город до Рождества, а сейчас этим измученным людям, подавленным после пережитого потрясения, нужна была неусыпная забота, в то время как запасы аббатства быстро таяли. У некоторых в городе были родственники, и те приютили несчастных, оказав им радушный прием. Одна беременная женщина, которая скоро должна была родить, вместе с мужем попала в городской дом Хью Берингара, помощника шерифа графства. На этом настояла жена Хью, Элин, которую он перевез в город, считая, что там безопаснее, – ей тоже предстояло разрешиться от бремени до Рождества; и все беженки, ожидающие потомства или просто нуждающиеся в помощи, могли рассчитывать на ее гостеприимство.

– А вот нашей Заступнице, Деве Марии, не был оказан подобный прием, – печально заметил брат Кадфаэль, обращаясь к своему доброму другу Хью.

– Но ведь я говорю о *моей* заступнице! Если б это было возможно, Элин приютила бы любую бездомную собаку, встреченную на улице. Эта бедная женщина из Вустера уже начинает поправляться, лишения вроде бы не оставили тяжких последствий, а отдых и гостеприимство Элин сделают свое дело. Беженке нужен покой, пока она не родит, так что к Рождеству у нас в доме могут появиться двое новорожденных. Однако мне кажется, что большинство бежавших в Шрусбери, распроставшись со своими страхами, скоро отправятся домой.

– Кое-кто уже ушел, – сказал Кадфаэль, – а другие, из тех, кто не болен, отправятся в путь через несколько дней. Вполне естественно, они рвутся домой, чтобы по возможности быстрее наладить там достойную жизнь. Говорят, король с большим войском движется к Вустеру. Если он оставит там хорошо вооруженный гарнизон, город эту зиму будет в безопасности. Однако беднякам придется пополнять свои запасы в восточных областях, так как их дома разграблены.

Поскольку в молодости Кадфаэлю пришлось быть и солдатом, и моряком, и сражаться вдали от дома, он знал по собственному опыту, как выглядит и чем пахнет разоренный город.

– А помимо нужды пополнить до Рождества свои запасы, – продолжал он, – людей будет подгонять наступающая зима. Надеюсь, на дорогах уже нет мародеров и беженцы доберутся до дому, не замерзнув в пути и не захворав, – ведь кто знает, сколько снега наметет через месяц, а быть может, и через неделю?

– Мне трудно точно сказать, очищены ли дороги от мародеров, – задумчиво ответил Берингар. – У нас в Шропшире довольно крепкая власть – пока что! Но и с востока, и с севера доносятся тревожные слухи, и на границе тоже беспокойно. Когда у короля столько забот на юге, а все думы о том, где взять денег на оплату наемников-фламандцев, и он хватается то за одно, то за другое, попусту растрачивая силы, честолюбцы на окраинных землях могут заняться созданием собственных графств и королевств, а мелкая сошка последует их примеру.

– Можно не сомневаться, – угрюмо согласился Кадфаэль, – что в стране, которая воюет сама с собой, приходит конец порядку и процветает жестокость.

– Но здесь этому не бывать, – твердо заявил Хью. – Прескот крепко держит поводья, а я его человек и тоже их из рук не выпущу.

Жильбер Прескот, шериф короля Стефана в Шропшире, собирался справить Рождество в главном своем маноре на севере графства, и гарнизон крепости, а также вся южная часть графства на это время оставались в ведении Берингара. Не исключалось, что нападение на Вустер – всего лишь проба сил противника перед дальнейшим наступлением. Все пограничные города были в опасности из-за сомнительной верности военачальников и гарнизонов, а также из-за предприимчивости сторонников императрицы Матильды. Многие дворяне в этой заблудшей стране уже не в первый, а во второй или третий раз переходили на другую сторону, и многим это еще предстояло сделать в будущем. Духовенство, бароны, да и все прочие руководствовались теперь в основном собственными интересами и старались подороже продать свою верность. И не за горами был тот день, когда некоторые из них придут к мысли, что они ничего не потеряют, если пренебрегут на время обоими претендентами и займутся своими частными делами.

– Я слышал, кастелян Ладлоу, Жос де Динан, не очень-то надежен, – промолвил Кадфаэль. – Ходят слухи, что, хотя король Стефан пожаловал ему Лейси и доверил замок в Ладлоу, он посматривает в сторону императрицы Матильды. Насколько мне известно, он мог бы уже отойти от Стефана, если бы король не находился поблизости и не смотрел за ним в оба.

Все, что могло дойти до Кадфаэля, было, разумеется, уже известно Хью. В те дни во всей Англии и шерифы, и их осведомители держали ухо востро. Если Жос де Динан в Ладлоу действительно замыслил измену, а потом передумал, что ж, Хью принял как данность – правда, довольно сдержанно – его нынешнюю лояльность и не спускал с него глаз. Подозрительность, порожденная междоусобной войной, была не самым значительным бедствием, но достаточно прискорбным. Хорошо, если между испытанными друзьями еще сохранялось полное доверие: в такое тревожное время у каждого могла возникнуть острая необходимость опереться на надежное плечо товарища.

– Что ж, будем надеяться, – подытожил Хью, – что теперь, когда король Стефан со своим войском движется на Вустер, никто не посмеет к нам и носа сунуть или кого-нибудь тронуть пальцем – ведь Стефан будет поблизости. Однако в любом случае я ни на минуту не перестану прислушиваться и приглядываться. – С этими словами Хью поднялся со скамьи, стоявшей у стены сарайчика Кадфаэля, где изредка в одиночестве отдыхал душой. Потянувшись, он добавил: – А сейчас в кои-то веки я отправляюсь домой, в свою постель, раз уж из жениной меня изгнал мой собственный нахальный отпрыск. Впрочем, откуда такому благочестивому монаху, как ты, знать о горестях отцовства!

Действительно, откуда?

– Все вы, женатые люди, должны к этому прийти, – благодушно сказал брат Кадфаэль. – Третий лишний там, где двое поглощены друг другом. Я пойду к повечерию и помолюсь за вас.

Однако монах зашел в лазарет, чтобы вместе с братом Эдмундом осмотреть престарелых и больных, ослабевших от голода и с трудом поправлявшихся после скитаний, а также сменить у раненого, ножевая рана которого плохо заживала, повязку. Только после этого он пошел к

повечерию помолиться за многих, в том числе и за своего друга, его жену и ребенка, который скоро должен был появиться на свет, – за это дитя зимы, времени бедствий.

Англию уже давно сковал зимний холод, и Кадфаэль это с прискорбием понимал. Король Стефан, который был коронован, удерживал, хотя и не очень надежно, большую часть страны. Императрица Матильда, соперничавшая с ним за право на престол, держала в своих руках западные графства. Эти родственники совсем не породственному терзали друг друга и Англию, поскольку каждый пытался всеми средствами добиться цели. Но жизнь, и служение Господу, и земные труды должны идти своим чередом, бросая упрямый вызов судьбе. Времена года сменяются, несмотря на войну, и надо пахать, сеять и жать. А аббатству и Церкви надлежит и далее возделывать пажити человеческих душ, сеять добро и пожинать благие плоды. Брат Кадфаэль не боялся за будущее, как бы туго ни приходилось сейчас простому люду. Ребенок, который родится у Хью, будет зачином нового поколения, новым началом и утверждением, весенним ростком в середине зимы.

В последний день ноября брат Гервард, субприор Вустерского бенедиктинского монастыря, появился в помещении капитула Шрусберийского аббатства Святых Петра и Павла, куда он прибыл накануне ночью и где его как дорогого гостя принимал в собственных покоях аббат Радульфус. Большинство братьев не знали о его приезде и поэтому гадали, что за персону их аббат с таким почетом ввел в зал, усадив по правую руку от себя. На сей раз и брат Кадфаэль был осведомлен не больше других.

Аббат являлся полной противоположностью своему гостю. Радульфус был еще не стар, высокий, энергичный, с резкими, аскетичными чертами лица, и за его внешним спокойствием ощущалась немалая сила. В случае необходимости он мог вспыхнуть, и тогда те, кто обжегся, благоразумно отступали, однако это пламя всегда находилось под властью рассудка. Человек, который сопровождал аббата, был старик небольшого роста, худощавый, хрупкого телосложения, с тонзурой на седой голове. В нем ощущалась усталость, очевидно после долгого путешествия. Взгляд старческих глаз был пристальным, резкие складки у рта говорили о несгибаемом характере.

– Наш брат Гервард, субприор из Вустера, – сказал аббат, – явился к нам с поручением, которое я без вашего содействия не могу помочь ему выполнить. Поскольку многие в эти дни потрудились, помогая несчастным, бежавшим к нам из Вустера, вы, возможно, слышали от них что-нибудь относящееся к этому делу. Поэтому я попросил брата Герварда поведать всем вам его просьбу.

Гость поднялся со своего места, чтобы его было лучше видно и слышно всем присутствующим.

– Я послан сюда, чтобы разузнать о двух детях из знатного семейства, юной девушке и мальчишке, которые находились в нашем городе на попечении бенедиктинского монастыря и сбежали, когда мы подверглись нападению. Они не вернулись, но нам удалось отыскать их следы, которые ведут в ваше графство. Эти дети направлялись в Шрусбери, и, поскольку наш орден отвечает за них, я приехал сюда узнать, добрались ли они до вашего аббатства. Отец аббат сказал, что, насколько ему известно, их тут нет, но кто-нибудь из беженцев мог их видеть по дороге или что-нибудь слышать о них и потом рассказать вам. Я буду благодарен за любые новости, которые помогли бы отыскать их и вернуть в Вустер. Вот их имена: девушку зовут Эрмина Хьюгонин, ей скоро исполнится восемнадцать; она была поручена заботам сестер нашего женского монастыря в Вустере. Ее брату, Иву Хьюгонину, который находился у нас, всего тринадцать. Они – круглые сироты, а их дядя и единственный опекун провел долгое время в Святой земле и, недавно вернувшись, узнал об исчезновении племянников. Как вы понимаете, – сказал брат Гервард после паузы, быстро оглядев собравшихся, – мы виноваты

в недосмотре, хотя, по правде говоря, тут не только наша вина. Мы же не могли повлиять на ход событий.

– При такой страшной опасности трудно требовать от кого бы то ни было более успешных действий, – печально согласился Радульфус. – Но ведь это еще дети, они в таком нежном возрасте...

Брат Эдмунд нерешительно осведомился:

– Надо ли это понимать так, что они покинули Вустер одни?

Он не хотел, чтобы в его вопросе прозвучало осуждение, но брат Гервард смиренно склонил голову, услышав в этих словах скрытый упрек в свой адрес.

– Я не хочу оправдывать себя или кого-либо из нашей братии. Однако все получилось не так, как вы, возможно, предполагаете. На город напали рано утром с южной стороны, и мы не смогли сразу оценить, насколько это серьезно и какова численность нападавших, пока они не подошли с севера. Случилось так, что мальчик Ив в это время как раз навещал свою сестру и они оказались отрезаны от нас. Осмелюсь сказать, что леди Эрмина – своевольная девушка. В данном случае сестры сочли за лучшее собраться в церкви и там выждать, чем все кончится, надеясь, что даже эти мародеры – а должен вам сказать, что многие из нападавших были уже пьяны и буйны, – не причинят им вреда из уважения к монашескому одеянию и ограничатся тем, что украдут наиболее ценную утварь. Так вот, хотя сестры все остались в монастырской церкви, леди Эрмина решила бежать из города, как делали очень многие, и укрыться в каком-нибудь безопасном месте. Она заявила об этом сестрам. И поскольку девушку не удалось разубедить, а мальчик ее поддерживал, молодая монахиня, наставница леди Эрмины, решила отправиться вместе с детьми, чтобы доставить их в целости и сохранности в надежное убежище. Когда злодеи убрались восвояси и мы потушили пожар и позаботились о мертвых и раненых, пришло известие, что наши подопечные покинули город, намереваясь добраться до Шрусбери. Их снабдили самым необходимым, но пришлось идти пешком: все лошади были захвачены. Эрмина взяла с собой свои драгоценности и деньги и была достаточно предусмотрительна, чтобы хорошенько их спрятать. И я вынужден с прискорбием сказать вам, что она правильно поступила, уйдя из города, ибо людей из Глостера не остановил монашеский сан сестер и они все разграбили и сожгли, а также похитили несколько самых молодых и красивых послушниц, весьма дурно обойдясь с аббатисой, которая пыталась им воспрепятствовать. Девушка приняла правильное решение, и я молю Бога, чтобы она с братом и сестрой Хиларией находилась теперь в безопасности. Однако – увы! – мне ничего не известно об их судьбе.

Брат Дэнис, попечитель странноприимного дома, который знал всех, кто прошел через монастырские ворота, сказал с сожалением:

– Я с прискорбием должен тебе сообщить, что сюда они наверняка не заходили. У нас таких беженцев не было. Тем не менее пойдем вместе со мной в странноприимный дом и лазарет и поговорим с теми беженцами, которых мы там приютили, – вдруг они смогут поделиться какими-нибудь полезными сведениями. Ведь до сих пор мы ничего не знали об этих молодых людях и поэтому не наводили о них справки.

– Может статься, – предположил брат Матфей, келарь, – что у них в городе есть какой-нибудь родственник, арендатор или старый слуга и они находятся сейчас под гостеприимным кровом и потому не зашли к нам.

– Может быть, – согласился Гервард, несколько приободрившись. – Но я полагаю, что сестра Хилария предпочла бы привести их сюда, под защиту нашего ордена.

– Если никто здесь не сможет тебе помочь, – вставил аббат, – следующий шаг, который обязательно следует предпринять, – это посоветоваться с шерифом. Он наводит справки обо всех, кого приютил город. Ты сказал, брат, что дядя этих детей недавно вернулся домой из Палестины. Отчего он сам не обратится к местным властям? Почему не участвует в поисках? Ведь не может же он все свалить на тебя.

Брат Гервард тяжело вздохнул, при этом его хрупкое тело сначала напряглось, а затем обмякло.

– Их дядя – рыцарь, в жилах которого течет анжуйская кровь. Племянники – дети его сестры. Его имя – Лоран д’Анже. Он только что вернулся из крестового похода и приехал в Глостер, чтобы присоединиться к войскам императрицы. Правда, он явился туда уже после разорения Вустера, и на нем нет вины, так как он не участвовал в этом деле. Однако ни один человек из Глостера не осмелится сейчас показаться в нашем городе. Там король со своим войском, и он в такой же ярости, как и все жители этого несчастного, разграбленного города. Поэтому, в силу сложившихся обстоятельств, поиски детей поручены нашему монастырю. Они ведь ни в чем не повинны, и я так и представлю дело шерифу.

– И ты можешь рассчитывать на мою поддержку, – заверил его Радульфус. – Но сначала, поскольку никто здесь не может сообщить ничего нового... – Он обвел капитул вопросительным взглядом, но все присутствующие только покачали головами. – Итак, мы должны расспросить наших беженцев. Имена детей, их юный возраст и присутствие сопровождающей их монахини могут способствовать тому, что нам сообщат о них какие-то сведения.

Однако, несмотря на упования аббата, Кадфаэль, выходя вместе со всеми с собрания капитула, не был уверен, что эти расспросы что-нибудь дадут. В последнее время он много помогал брату Эдмунду в размещении и лечении изможденных беженцев, и никто ни словом не обмолвился о подобной истории. Беженцы были весьма словоохотливы и рассказывали множество небылиц, но никогда речь не заходила о бенедиктинской монахине и двух детях благородного происхождения, скитавшихся по дорогам без всякой охраны.

К тому же дядя этих детей, очевидно, принадлежал к сторонникам императрицы, а Жильбер Прескот был всецело предан королю; вдобавок после разорения Вустера вражда между двумя партиями вспыхнула с новой силой, как факел при соприкосновении с трупом. Все это грозило очень затруднить поиски. Хотя субприор и получил поддержку аббата Радульфуса, имелось мало надежд на то, что они быстро разыщут племянников Лорана д’Анже.

Шериф принял просителей в своих покоях любезно, но весьма сдержанно. Он с бесстрастным выражением лица выслушал историю, которую поведал брат Гервард. Шериф Прескот был угрюмый мужчина, чернобровый и чернобородый, и внешность его не очень-то к себе располагала. Однако он был хотя и суров, но справедлив, никогда не отступал от данного слова и стоял горой за своих людей, если они выполняли все его приказы.

– Я сожалею об этой беде, – сказал он, когда субприор Гервард закончил свой рассказ, – и еще более сожалею, что должен сразу же тебя огорчить. Ты тщетно будешь искать ваших беженцев здесь, в Шрусбери. С тех пор как напали на Вустер, мне докладывают обо всех, кто бежал оттуда и пришел в наш город. Среди них не было тех, кого ты ищешь. Теперь, когда король усилил гарнизон в Вустере, многие уже отправились домой. Дядя этих детей вернулся, как ты говоришь, в Англию. Так не может ли он лично заняться поисками – тем более что он человек состоятельный?

Гервард, сообщив шерифу лишь имя крестоносца, очевидно, пытался отсрочить неприятные объяснения. Имя дяди пропавших детей говорило лишь о том, что это рыцарь, прославившийся участием в крестовом походе и только что прибывший из Святой земли, где сейчас воцарилось относительное спокойствие. Но вопрос шерифа заставил субприора сказать всю правду.

– Милорд, – со вздохом начал Гервард, – Лоран д’Анже жаждет начать поиски племянников, но для этого нужна твоя поддержка или дозволение его милости короля. Дело в том, что Лоран анжусец, обязанный хранить верность императрице Матильде, поэтому, вернувшись в Англию, он вместе со своими людьми присоединился к ее войскам в Глостере. – Субприор заторопился, стремясь закончить свою речь прежде, чем его прервут: ровные брови шерифа

уже сурово сдвинулись, в прищуренных глазах читалось явное неодобрение. – Он прибыл в Глостер через неделю после вустерского дела, не принимал в нем участия, ничего не знал об этом и не может нести за него ответственности. Когда д'Анже приехал, то сразу узнал, что его юные родственники пропали, и единственное его желание сейчас – отыскать их и доставить в безопасное место. Но ведь ни один человек из Глостера не может приблизиться к Вустеру и вообще въехать в земли короля без особого разрешения.

– Значит, ты, – промолвил Прескот после затянувшейся паузы, – печешься о благе врага короля.

– Прошу прощения, милорд, – мужественно ответил Гервард, – меня заботит участь юной девушки и мальчика в нежном возрасте, которые не сделали ничего такого, за что их можно было бы считать врагами короля или императрицы. Нас волнуют не раздоры враждующих партий, а лишь судьба двух детей, находящихся на попечении ордена. Естественно, мы чувствуем себя ответственными за них и делаем все от нас зависящее, чтобы найти пропавших детей.

– Да, конечно, – сухо согласился шериф. – К тому же ты из Вустера, а поэтому вряд ли питаешь добрые чувства к врагам короля и, конечно, не захочешь помогать им.

– Мы пострадали от них, милорд, как и все в Вустере. Король Стефан – наш сюзерен, и мы признаем его. Единственное, что мной движет в данном случае, – это долг по отношению к двум детям. Представь, как сейчас волнуется дядя, их единственный опекун! Все, о чем он просит, – и все, о чем мы для него просим, – это разрешения на въезд в земли короля без оружия, для того чтобы без промедления заняться поисками племянников. Конечно, человек из Глостера, сколь бы невиновен он ни был, не обретет полной безопасности, даже заручившись поддержкой его милости и королевской охранной грамотой, если попадет в ваше или наше графство, но он готов подвергнуться такой опасности. Он приносит торжественную клятву, что, получив дозволение, будет заниматься только поисками детей, не преследуя никакой иной цели. Он поедет безоружный, в сопровождении одного-двух слуг. Милорд, умоляю тебя об этом ради блага его подопечных.

Аббат Радульфус присоединился к просьбе, правда, весьма сдержанно:

– Мне кажется, что от крестоносца с таким незапятнанным именем можно, вне всякого сомнения, принять подобную клятву.

Несколько минут шериф размышлял, храня мрачное молчание и сдвинув брови, затем произнес холодно и отчетливо:

– Нет. Я не выдам такой грамоты, и, даже если бы здесь находился сам король и собирався дать ее, я бы убедил его милость не делать этого. После всего, что случилось, на моей земле любой человек из той партии будет считаться пленником и даже лазутчиком. Если его схватят при подозрительных обстоятельствах, он может лишиться жизни, а если у него нет никаких дурных намерений, то, по крайней мере, он лишится свободы. Даже человек, давший вышеупомянутую клятву, может невольно приобрести сведения о замках и гарнизонах, которые позже сослужат хорошую службу врагу. И наконец, что важнее всего, мой долг – бороться с врагами короля и сокращать их число, как только представится такая возможность. Если я могу лишить их такого славного рыцаря, то непременно это сделаю. Не в обиду будь сказано сэру Лорану д'Анже, о котором, насколько мне известно, ходит добрая слава, он не получит дозволения, а если попытается проникнуть без него – пусть опасается за свою жизнь. Он, конечно же, вернулся из Палестины не для того, чтобы сгнить в тюрьме. Если он пойдет на такой шаг, пусть пеняет на себя.

– Но как же девушка Эрмина и ее брат, который еще совсем ребенок? – взмолился Гервард. – Ты велишь прекратить их поиски?

– Разве я так сказал? Разумеется, их будут разыскивать, и я сделаю для этого все возможное, – но заниматься этим будут мои люди. И если их найдут, то доставят в целости и сохранности к дяде. Я разошлю приказы всем своим кастелянам и офицерам, чтобы они не пропу-

стили этих троих и должным образом навели справки. Но я не пушу рыцаря императрицы в земли, которыми управляю именем короля.

Большого просители не смогли от него добиться и, поняв всю тщету дальнейших увещаний по тону и выражению лица шерифа, смирились.

– Если бы брат Гервард дал тебе описание этих троих, – кратко предложил Радульфус, обращаясь к Прескоту, – это могло бы помочь в поисках. Хотя не знаю, достаточно ли хорошо он знаком с девушкой и с монахиней, ее наставницей.

– Они несколько раз приходили навестить мальчика, – сказал Гервард. – Я могу описать всех троих. Вашим офицерам нужно расспрашивать об Иве Хьюгонине, тринадцати лет от роду, наследнике значительной части состояния своего отца. Он не очень высокого роста для своего возраста, хорошо сложен, крепкий, с круглым румяным лицом, темно-каштановыми волосами и темно-кариими глазами. Я видел его в то утро, когда начался набег: он был в яркосинем плаще с капюшоном, куртке того же цвета и в серых чулках. Что касается женщин, то сестру Хиларию легче всего узнать по монашеской рясе. Кроме того, могу сказать, что она молода – не старше двадцати пяти лет – и красива. Это стройная и грациозная женщина. А девица Эрмина... – Брат Гервард остановился, устремив взгляд поверх плеча шерифа, словно пытаясь вспомнить ту, которую мало видел, но отчетливо запомнил. После паузы он продолжил: – Ей скоро будет восемнадцать лет. У нее более темные волосы и глаза, чем у ее брата, она высокого роста. Говорят, у нее живой ум и сильная воля. – Хотя это трудно было назвать подробным описанием внешности, девушка предстала перед слушателями с удивительной четкостью. Особенно когда брат Гервард заключил, рассеянно пробормотав себе под нос: – Ее считают очень красивой.

Брат Кадфаэль узнал обо всем от Хью Берингара, после того как гонцы поскакали в замки, маноры и города, чтобы огласить новость. Прескот выполнил все, что обещал, перед тем как удалиться в свой манор, где собирался мирно отпраздновать Рождество в кругу семьи. Такое участие шерифа в судьбе пропавших могло послужить им защитой в графстве. К тому времени субприор Гервард, частично справившийся с возложенной на него миссией, уже отправился в Вустер вместе с беженцами под охраной воинов короля.

– Очень красивая! – повторил Хью в заключение своего рассказа и улыбнулся. Однако это была невеселая улыбка, и выражение лица у него было озабоченное. Такая своенравная, бесстрашная и красивая девушка, скитающаяся по беспокойным дорогам, тем более в холодное время, могла легко попасть в беду.

– Даже у субприоров есть глаза, – с усмешкой заметил Кадфаэль, помешивая снадобье от кашля, томившееся на слабом огне жаровни. – Однако молодая девица подвергается опасности, даже если она некрасива. Впрочем, не исключено, что в это самое время она и ее брат уже укрылись в каком-нибудь безопасном месте. Очень жаль, что у их дяди иные убеждения и он не может, получив разрешение, заняться их поисками.

– А ведь он только что из Иерусалима, – задумчиво сказал Хью, – и поэтому не несет ответственности за то, что натворила его партия в Вустере. Я думаю, ты его не знаешь – ведь он стал крестоносцем не так уж давно.

– Это другое поколение, дружище. Прошло уже двадцать шесть лет с тех пор, как я покинул Святую землю. – Сняв горшок с жаровни, Кадфаэль поставил его на земляной пол, чтобы за ночь он постепенно охладился, и осторожно разогнул спину. Подумать только, что совсем скоро ему стукнет шестьдесят, хотя на вид и можно дать лет на десять меньше. Покряхтев и потеряв бока, он добавил: – Боюсь, там сейчас все по-другому. Позолота быстро тускнеет. Из какого порта отплыл этот рыцарь?

– По словам Герварда, из Триполи. Должно быть, во времена своей грешной молодости ты хорошо знал этот город? Мне почему-то кажется, в тех краях осталось очень мало мест, где бы ты в свое время не побывал.

– Лично я предпочитал гавань Святого Симеона. Там прекрасный порт и хорошие судовые мастера, а всего в нескольких милях вверх по реке – Антиохия.

У него были все основания помнить Антиохию, так как именно там началась и закончилась его стезя крестоносца и его любовная история с Палестиной – этой диковинно красивой, но негостеприимной и жестокой страной золота и засухи. В той тихой гавани, бенедиктинской обители, где он решил наконец бросить якорь и где вся его жизнь была подчинена строгому распорядку, у него не хватало времени даже на воспоминания о местах своей бурной молодости. Сейчас он ясно увидел тот город: сочная зелень речной долины, благодатная тень узеньких улиц, шум и гам базара. И Мариам, продающая земные плоды на улице Парусников, – вызолоченное яростным солнечным светом молодое лицо с тонкими чертами, черные, умощенные маслом волосы, блестящие под накидкой.

Она скрасила его прибытие на Восток, куда он явился восемнадцатилетним юношей, и расставание со Святой землей, когда он возвращался в Европу через двадцать лет закаленным воином и бывалым моряком. Молодая вдова, одинокая и страстная, женщина из народа, которая понравилась бы далеко не каждому – слишком худая, слишком независимая, слишком высокомерная. После смерти мужа в ее душе остались пустота и боль, и молодого чужестранца затянуло в этот омут. В юности он провел с Мариам целый год, перед тем как крестоносцы двинулись дальше, чтобы окружить Иерусалим и вырвать его из рук неверных.

Были у Кадфаэля и другие женщины, до и после Мариам. Он вспоминал их с благодарностью, не чувствуя при этом за собой никакой вины и не считая увлечения своей молодости греховными. Он приносил радость и получал радость взамен, не причиняя боли ни одной из своих возлюбленных. Если это и было с общепринятой точки зрения слабым аргументом в его пользу, Кадфаэль все равно чувствовал свою правоту. Было бы оскорбительным каяться в том, что он любил такую женщину, как Мариам.

– Теперь у них там, в Палестине, заключены соглашения, которые хотя бы на какое-то время принесут мир, – наконец сказал Кадфаэль, оторвавшись от воспоминаний. – Я полагаю, что анжуйский рыцарь вполне мог счесть, что он сейчас нужнее здесь, где его госпожа, императрица Матильда, борется за престол. И, насколько мне известно, у Лорана д'Анже доброе имя. Какая жалость, что он прибыл в Англию, когда взаимная ненависть достигла такого накала!

– Да, какая жалость, что существуют причины для ненависти между достойными людьми, – согласился Хью, поморщившись. – Я – человек короля и выбрал его сознательно. Мне нравится Стефан, и я не покину его, какими бы благами меня ни заманивали. Но я вполне понимаю, почему анжуйский барон мчится домой, чтобы служить своей госпоже столь же преданно, как я служу Стефану. Эта война, Кадфаэль, – чудовищное извращение всех человеческих ценностей!

– Не всех, – твердо возразил Кадфаэль. – Насколько мне известно, еще не случилось такого, чтобы жизнь была безоблачной и легкой. И все-таки надо надеяться, что твой малыш будет расти в мире, который станет менее жестоким. – Он вздохнул. – Ну вот, на сегодня я все здесь закончил, и скоро начнут звонить в колокол.

Они вместе вышли в холодный сумрак сада, где кружились первые снежинки. В воздухе ощущалась зимняя прохлада.

Сначала снегопад был легким и прерывистым. Потом он стал сильнее, подул северо-западный ветер, и мелкий сухой снег превратил ночь в белый кружащийся туман, скрывающий очертания предметов, засыпающий тропинки, меняющий все до неузнаваемости. Снег заносил долины и выбелил склоны холмов. Те, кто поумнее, сидели дома, закрывали ставни и двери и

заделывали щели, куда могли проникнуть тонкие белые пальцы метели. Да, это был первый в ту зиму снег и первый суровый мороз.

«Слава Богу, – подумал брат Кадфаэль, услышав, как звонят к повечерию, – слава Богу, Гервард со своими спутниками уже приближаются к дому, они успеют укрыться в тепле. Но что сейчас происходит с Эрминой и Ивом, затерявшимися где-то между Шрусбери и Вустером, и с молодой монахиней, сестрой Хиларией, которая бесстрашно решила пойти с детьми, чтобы благополучно довести их до безопасного места?»

Глава вторая

В пятый день декабря, около полудня, человек, прибывший с юга, доставил срочное послание в Шрусберийское аббатство. Предыдущую ночь он провел в Бромфилдском бенедиктинском монастыре и до Шрусбери добрался довольно легко: ему повезло – дорога была еще в сносном состоянии. Приор Бромфилдской обители Леонард до своего повышения был монахом в Шрусбери, водил дружбу с Кадфаэлем и знал, сколь сведущ его приятель в искусстве врачевания.

– Ночью, – рассказывал гонец, сидя в сарайчике Кадфаэля, – какие-то сердобольные люди принесли в монастырь раненого, которого нашли у обочины дороги, – разбойники его раздели, изувечили и бросили, посчитав мертвым. И он действительно был полумертвый, очень плох. Если бы он пролежал на снегу всю ночь, то к утру замерз бы насмерть. Приор Леонард попросил передать, что, хотя в его монастыре есть братья, имеющие некоторые познания в лекарском ремесле, с этим недугом им не справиться. Приор сказал, что у тебя, брат, большой опыт и поэтому, быть может, ты спасешь этого человека. Если бы ты смог приехать и пожить там, пока он не поправится – или пока его бедная душа не отлетит! – ты бы сделал полезное дело.

– Если аббат и наш приор дадут мне разрешение, – ответил обеспокоенный Кадфаэль, – я с радостью поеду. Значит, разбойники рыщут по дорогам так близко от Ладлоу? Что же это делается на юге?!

– Тот несчастный тоже монах – это видно по его тонзуре.

– Пойдем со мной, – сказал Кадфаэль. – Мы прямо сейчас обратимся к приору Роберту.

Приор Роберт выслушал их и ничего не возразил, только пожегся, посочувствовав Кадфаэлю, который должен будет как можно быстрее преодолеть изрядное расстояние теперь, когда уже наступила суровая зима. Приор сразу же отправился с просьбой к аббату и возвратился с разрешением.

– Отец аббат распорядился, чтобы ты взял на конюшне хорошую лошадь, она тебе понадобится, – обратился Роберт к брату Кадфаэлю. – Можешь отсутствовать сколько потребуется, а мы сейчас же пошлем за братом Марком в приют Святого Жилия; я полагаю, брат Освин еще недостаточно хорошо обучен, чтобы позаботиться обо всем лазарете.

Кадфаэль был совершенно согласен с этим мнением и разделял озабоченность приора. Хотя брат Освин был предан делу всей душой и ревностно к нему относился, у него было слишком мало опыта, чтобы справиться с простудой и прочими болезнями, с которыми он мог неожиданно столкнуться в отсутствие учителя. Марк с сожалением покинет своих прокаженных на окраине города, но, даст Бог, Кадфаэль будет отсутствовать не слишком долго.

– А как сейчас дороги? – спросил брат Кадфаэль гонца, который заводил свою лошадь в стойло. (Монах в это время выбирал для себя коня.) – Ты быстро сюда добрался, и мне хотелось бы поскорее оказаться в Бромфилде.

– Хуже всего ветер, брат, но зато он почти начисто вымел большой тракт, за исключением некоторых мест, где образовались заносы. Однако все проселочные дороги совсем засыпало. Если ты отправишься прямо сейчас, то сможешь быстро добраться до места. Лучше ехать по южной дороге, тогда тебе поможет попутный ветер.

Кадфаэль размышлял, что положить в свой заплечный мешок. У него хранились разнообразные отвары, настойки и мази, какие найдешь не в каждом лазарете, но много было и обычных снадобий, которые наверняка сыскались бы и в Бромфилде. Монах решил, что чем легче будет ноша, тем скорее он доберется. Он надел прочные сапоги, а поверх рясы – плотный дорожный плащ, который туго перехватил поясом. Не будь миссия Кадфаэля такой невеселой, он получил бы удовольствие от поездки, тем более что мог по своему усмотрению выбрать лошадь на конюшне – это не так уж часто случалось. Ему приходилось сражаться не только под

палящим солнцем, но и зимней порой, так что снег и мороз не пугали его, хотя брат Кадфаэль и был достаточно благоразумен, чтобы отнестись к снегопаду с должной осмотрительностью.

Уже четыре дня как выпал первый снег, погода не менялась: около полудня ненадолго выглядывало солнце, затем, поздно вечером, собирались облака и до глубокой ночи шел снег, причем сильно подмораживало. В Шрусбери снег был легкий и рыхлый, и узор из белых снежинок на черной земле менялся от каждого дуновения ветра. Однако чем дальше Кадфаэль продвигался на юг, тем белее становились поля, а канавы были полностью засыпаны снегом. Ветки деревьев гнулись под тяжестью снега, а к полудню свинцовое небо, затянутое черносиними тучами, словно провисло над землей. Если так будет продолжаться, решил путник, голодные волки спустятся с холмов и начнут рыскать возле жилья. В такую погоду лучше всего быть ежом, который, свернувшись под изгородью, уже впал в зимнюю спячку, или белкой, уютно устроившейся в дупле, где у нее припрятаны запасы. В эту осень созрело много орехов и желудей.

Верховая езда всегда была для Кадфаэля удовольствием, даже когда он, как сейчас, скакал в одиночестве в лютой холод. Теперь ему редко представлялся такой случай – это была одна из радостей, от которых пришлось отказаться ради тихой монастырской обители. При выборе своего пути чем-то обязательно жертвуешь. Кадфаэль сгорбился, защищаясь от ветра, и увидел, что вокруг опять закружились снежинки, пушистые и невесомые, – они обгоняли его лошадь. Впрочем, плотный плащ с капюшоном надежно защищал от непогоды. Он мчался вперед и думал о недужном, который лежал сейчас в лазарете Бромфилдского монастыря. Он тоже монах – так сказал гонец. Из Бромфилда? Конечно нет. Если бы это был один из местных братьев, его бы опознали. Монах, странствующий один по дорогам в ночное время? С каким-то важным поручением? Возможно, он откуда-то убежал, перед тем как попал в руки разбойников?.. Многие ведь тоже недавно скитались в этих краях, после того как едва унесли ноги из Вустера, – где-то они теперь? Возможно, странник в рясе тоже бежал от этой бойни?

Снег пошел сильнее, теперь это были две тонкие завесы по обе стороны от коренастой фигуры Кадфаэля, которые развевались, как концы газового шарфа, и увлекали вперед. Раза четыре за время непрерывной скачки он обменялся приветствиями со встречными, по всей видимости местными жителями. Ведь в такую погоду дальние путешествия совершают только отчаянные головы.

Уже стемнело, когда Кадфаэль добрался до сторожки у монастырских ворот в Бромфилде и ступил на пешеходный мостик через маленькую речку Онни. Его лошадь выбилась из сил: из ноздрей ее валил пар, она тяжело и прерывисто дышала. Кадфаэль с облегчением спешился и отдал поводья подошедшему конюху. Он увидел монастырский двор, который был ровнее, чем в Шрусбери, и строения, кое-где позолоченные пламенем факелов. Церковь Девы Марии смутно вырисовывалась в темноте. Она была слишком большой и величественной для такого скромного монастыря. Через двор к Кадфаэлю уже шагал, внезапно появившись из темноты, сам приор Леонард – длинный, нескладный, похожий на цаплю. Он тревожно потирал нос, напоминавший острый клюв, и хлопал руками, словно крыльями. Двор, который, несомненно, подметали в тот день, был покрыт ровным слоем недавно выпавшего снега. К утру он обещал стать хрустящим и глубоким, если только ветер не унесет половину, чтобы разбросать где-нибудь в другом месте.

– Кадфаэль? – Приор был близорук, и даже при дневном свете ему приходилось напряженно всматриваться, прищурившись. Он нащупал протянутую руку и наконец-то узнал товарища. – Слава Богу, ты смог приехать! Я боюсь за нашего раненого... Но такая поездка... Входи, входи, у меня все для тебя приготовлено, и ужин тоже. Ты, должно быть, устал и проголодался!

– Сначала дай мне его осмотреть, – живо возразил Кадфаэль и решительно направился вверх по двору, оставляя на снежной белизне четкие следы своих широких сапог. Длинноногий

приор Леонард шагал рядом, стараясь приноровиться к походке друга, и при этом без умолку говорил:

– Мы поместили его в отдельной келье, там тише, и он находится под постоянным надзором. Он дышит, но с хрипом, и мы к тому же опасаемся, не проломлен ли у него череп. Он не произнес ни слова и ни разу не открыл глаза с тех пор, как его сюда принесли. Раненый весь в кровоподтеках, но это мелочи. Он потерял слишком много крови от ножевой раны, хотя кровь и удалось остановить. Сюда! Во внутренних покоях не так холодно...

Лазарет стоял немного в стороне, и от ветра его заслоняла церковь. Они вошли, плотно закрыв за собой тяжелую дверь, и Леонард повел друга в маленькую голую келью с одной кроватью, возле которой горела масляная лампа. При их появлении молодой брат встал с колен и отступил от постели раненого, освобождая место для вошедших.

Несчастный вытянулся на спине под ворохом одеял, как мертвец, лежащий в гробу. Он дышал тяжело, со стонами, и при каждом вздохе одеяло на груди слегка приподнималось. Раненый неподвижно покоился на подушке, глаза были закрыты, впалые щеки посинели. Голова была перевязана (повязка скрывала тонзуру), на лбу виднелись кровоподтеки. Лицо раненого распухло, один глаз совершенно заплыл. Почти невозможно было представить себе, как раньше выглядел этот человек, но Кадфаэль решил, что он хорошо сложен и не стар: вероятно, ему не более тридцати пяти лет.

– Просто чудо, что кости целы, – прошептал Леонард. – Вот только череп... Но ты ведь согласишься, когда передохнешь...

– Лучше сделать это прямо сейчас, – возразил Кадфаэль, сбросив плащ, поставил на каменный пол заплечный мешок и принялся за дело.

В углу пылала маленькая жаровня, но, когда он сунул руку под одеяло и ощупал бок, бедро и ногу, оказалось, что тело бедняги совсем холодное и не отзывается на прикосновение. Раненого хорошо укутали, но этого было явно недостаточно.

– Положите камни в очаг на кухне, – распорядился брат Кадфаэль, – раскалите их и оберните фланелью. Мы обложим его горячими камнями и будем их постоянно менять. Он замерз не от зимнего холода – нет, его заморозила людская жестокость, и с этим нужно бороться, иначе он никогда не проснется. Я знал людей, которых так ужаснули зверство и безжалостность, что они повернулись к миру спиной и умерли, хотя у них не было никакой смертельной болезни. Вы пытались напоить или накормить его?

– Да, мы пробовали, но он не может глотать, – ответил Леонард. – Даже глоток вина вытекает изо рта. Вероятно, челюсть сломана или выбиты зубы.

Кадфаэль осторожно отвернул губу раненого – при этом обнажились крупные, крепко сжатые, белые зубы. «Слава Богу, и челюсть, и зубы не пострадали».

Молодой послушник молча выскользнул из кельи, чтобы нагреть на кухне камни. Кадфаэль откинул одеяло и осмотрел тело с головы до ног. Бедняга был раздет донага и укрыт льняной простыней, чтобы только чистая гладкая поверхность соприкасалась с многочисленными ссадинами и кровоподтеками. Ножевая рана под сердцем была туго перевязана; вне всякого сомнения, все раны тщательнейшим образом промыли и перевязали. Кадфаэль провел пальцами по телу раненого, ощупывая кости, и, повернувшись к приору Леонарду, промолвил:

– Этот удар должен был прикончить его. Однако нож наткнулся на ребро, и они не стали ждать, чтобы удостовериться, что он умер. Должно быть, раньше этот человек был очень крепким – посмотри, как он сложен. С ним сражались по крайней мере трое или четверо.

Многочисленные ранки нагноились, и Кадфаэль сделал все, что мог, применив свои испытанные мази, но не тронул более мелкие и чистые ссадины. Принесли нагретые камни, и трое молодых расторопных братьев захлопотали вокруг раненого, обкладывая ими искалеченное тело – так, чтобы камни не соприкасались с телом, но отдавали ему все свое тепло. Затем они быстро удалились, полные рвения, и отправились снова на кухню греть камни на смену. К

длинным костистым ступням приложили хороший горячий кирпич – Кадфаэль объяснил, что, если ноги холодные, все тело останется холодным.

После этого Кадфаэль занялся головой раненого, которую проломил дубинкой. Он разматывал повязку, а Леонард помогал ему, поддерживая больного за плечи. Показалась тонзура, обрамленная густыми каштановыми волосами. На макушке виднелись две-три раны, которые все еще кровоточили. Волосы были такие пышные и буйные, что могли защитить голову, не дав проломить череп. Кадфаэль осторожно ощупал голову раненого, нигде не обнаружив впадины. Он облегченно вздохнул, впервые почувствовав слабую надежду, что несчастный поправится.

– Его разум в смятенном состоянии, но я полагаю, что череп цел. Мы снова завяжем голову, чтобы ему было удобно лежать и чтобы раны на темени быстрее затянулись. Я не нахожу пролома.

Все возможное было сделано, но раненый лежал так же неподвижно. Сразу трудно было найти какую-то перемену, однако горячие камни, которые усердно подносили и меняли, начали оказывать свое действие. Тело его стало мягче и теплее – это был хороший признак.

– Теперь мы можем его ненадолго оставить, – сказал Кадфаэль, глядя на раненого и в раздумье хмуря брови. – Я посижу возле него ночь, а выплусь завтра днем, когда, надеюсь, минует опасность. Но я почти уверен, что он будет жить. А сейчас, отец приор, я готов, с твоего позволения, съесть обещанный ужин. Но прежде всего попроси какого-нибудь сильного парня стянуть с меня сапоги, поскольку я совсем окоченел и не в силах сам позаботиться о себе.

Приор Леонард лично ухаживал за гостем во время ужина, многословно выказывая свое облегчение по поводу прибытия столь искусного лекаря.

– Да, брат, у меня никогда не было ни твоих познаний, ни возможностей приобрести их. И я никогда еще, Бог свидетель, не видел в нашем лазарете такого несчастного искалеченного человека. Сначала я подумал, что у меня на руках покойник, а потом мы поняли, что этот человек еще жив, попытались остановить кровотечение и хорошенько закутать беднягу, чтобы отогреть. Возможно, мы так и не узнаем, что случилось и почему с ним так жестоко обошлись.

– Кто принес его? – спросил Кадфаэль.

– Один наш арендатор, который живет возле Хенли. Это Рейнер Даттон, добрый землепашец. В ту ночь впервые выпал снег и подморозило, а у Рейнера потерялась телка – знаешь, из тех, что вечно отбиваются от стада. Он искал ее вместе с двумя своими парнями. Они наткнулись на этого несчастного у обочины дороги и, все бросив, поспешили принести его сюда. Ночь была бурная – тьма непроглядная и сильный ветер. Не думаю, чтобы он там долго пролежал, иначе в такой жуткий холод его бы уже не было в живых.

– А те, кто ему помог, не заметили ничего подозрительного?

– Нет. Но тогда ничего не видно было и в нескольких шагах и можно было пройти совсем рядом с кем-то и его не заметить. К счастью, добрых людей не постигла судьба этого бедняги – впрочем, втроем они, возможно, напугали бы любых разбойников. Они знают эту округу как свои пять пальцев. Чужаку надо было бы где-нибудь переждать, пока не станет видна дорога. Когда намело такие сугробы, да еще при сильном ветре и снегопаде, тропинки появляются и пропадают по два раза на дню, а то и чаще. Можно пройти добрую милю, полагая, что знаешь каждый межевой столб, а на обратном пути ничего не узнать.

– А наш раненый – его здесь никто не знает?

Приор Леонард удивленно воззрился на друга.

– Ах, ну да! Разве я об этом не сказал? Дело в том, что мой гонец очень спешил и не успел, наверное, толком все рассказать. Пострадавший – бенедиктинский монах из Першора, который прибыл из своего аббатства с поручением. Мы ведем с ними переговоры о пальце святой Эадбурги, мощи которой, как тебе известно, находятся у них. Этот брат должен был доставить сюда палец святой в раке. Он благополучно доставил раку в нашу обитель несколько

дней тому назад. Монах прибыл к нам в ночь на первое число этого месяца и остался, чтобы присутствовать на службе, когда мы водворяли раку.

– Тогда как же вышло, – изумился Кадфаэль, – что всего пару дней спустя его подобрали на снегу раздетым и умирающим и принесли к вам? Неужто в этой обители так невнимательны к гостям, Леонард?

– Но он ушел от нас, Кадфаэль! Позавчера он сказал, что ему надо отправляться в путь рано утром, и ушел сразу же после завтрака. Уверяю тебя, он был снабжен всем необходимым. Мы знаем не больше твоего, как вышло, что его избили совсем рядом с нашим монастырем, а он, сам видишь, пока что не в состоянии что-либо объяснить. Никому не известно, где он находился вчера с рассвета и до ночи, но, конечно, не там, где его нашли, иначе пришлось бы не лечить его, а отпевать.

– Как бы то ни было, по крайней мере, вы знаете, кто он таков. Как много вам известно? Он назвал свое имя?

Приор пожал плечами. Что может сказать о человеке его имя?

– Его зовут Элиас. Мне кажется, хотя он этого и не сказал, в монастыре он недавно. Молчаливый человек, видно, не любит говорить о себе. Он с тревогой следил за погодой. Мы сочли это естественным, так как ему предстоял нелегкий путь домой, но сейчас мне сдается, дело было не только в этом. Он что-то говорил о людях, которых оставил возле Фоксвуда, по пути из Клеобери, – там он встретил этих беженцев из Вустера и уговаривал пойти вместе с ним, но они решили продолжать путь к Шрусбери через холмы. Элиас сказал, что среди них верховодит решительная девушка.

– Девушка? – Кадфаэль замер, наострив уши. – Там была девушка, которая всеми верховодила?

– По-видимому, да. – Леонард заморгал, удивившись такому любопытству со стороны Кадфаэля.

– А он не сказал, кто еще был с ней? Не было речи о мальчике? И о монахине, которая их опекала? – Он с горечью осознал неточность такого определения – ведь тон задавала девушка!

– Нет, больше он ничего не рассказывал. Но я думаю, Элиас о них беспокоился, ведь как только он добрался до нас, пошел снег. А эти холмы, открытые всем ветрам... Ему было о чем беспокоиться.

– Ты полагаешь, он мог на обратном пути отправиться на их поиски? Чтобы удостовериться, что они благополучно перебрались через холмы и вышли на прямую дорогу к Шрусбери? Для него это был бы не такой уж большой крюк.

– Возможно, что и так, – сказал Леонард и умолк, озабоченно нахмурившись и глядя на Кадфаэля в ожидании разъяснений.

– Да, любопытно было бы знать, не нашел ли он их и не вел ли сюда! – брат Кадфаэль говорил как бы сам с собой, а сбитый с толку приор терпеливо ждал.

Кадфаэль между тем размышлял, что же стряслось с беженцами, если его догадка верна. Их единственного защитника избили до бесчувствия и бросили, сочтя мертвым, но где же эти трое? Однако нет никаких доказательств, что это те самые злополучные Хьюгонины и молодая монахиня. Множество несчастных, и среди них девушки, бежали из разоренного Вустера.

Упрямые девушки, которые задают тон? Ну что же, насколько ему известно, они рождаются не только в замках, но и в хижинах, и их немало в семьях простых землепашцев. Женщины так же различаются между собой, как и мужчины.

– Леонард, – наконец прервав свои раздумья, сказал Кадфаэль, перегнувшись через стол, – ты не получал от шерифа весточку, в которой говорится о двух знатных детях из Вустера, юной девушке и мальчике, ушедших в сопровождении монахини из тамошнего монастыря и потерявшихся?

Озадаченный приор со встревоженным видом покачал головой.

– Нет, я не помню такого послания. Ты хочешь сказать, что это... Да, брат Элиас определенно испытывал беспокойство. Ты думаешь, что путники, о которых он говорил, те самые пропавшие?

Кадфаэль поведал ему всю историю – о побеге Хьюгонинов, об их поисках, об отчаянном положении их дяди, которому угрожает тюрьма, если он дерзнет пересечь границу владений короля. Леонард слушал со все возрастающим беспокойством.

– Действительно, возможно, что это они. Если бы только бедный брат Элиас смог заговорить! – воскликнул он.

– Но он уже кое-что рассказал. О том, например, что оставил их в Фоксвуде и что они хотели перебраться через холмы и идти в Шрусбери. Это означает, что им нужно было перебраться через склон Кли, к Годстоку, а там они очутились бы на землях Уэнлокского аббатства.

– Но это тяжелый путь, – в ужасе запричитал приор. – И на следующую ночь был сильный снегопад.

– Но ведь полной уверенности у нас нет, – осторожно напомнил ему Кадфаэль, – это всего лишь предположение. Четверть Вустера бежала во время этой бойни. Я лучше пойду, посижу около нашего подопечного, сейчас нет времени на бесплодные домыслы. Ведь только он может дать нам новые сведения, а кроме того, этого брата принесли к воротам вашей обители, и, раз он здесь, мы должны сделать все возможное для его спасения. Иди к повечерию, Леонард, и помолись за несчастного, а я сделаю то же самое у его постели. Если же он заговорит – не беспокойся, я буду бодрствовать и не пропущу ни слова.

Во второй половине ночи раненый впервые пошевелился. Кадфаэль давно привык спать, приоткрыв один глаз и наострив уши. Вот так он дремал и на этот раз, примостившись на низеньком табурете у изголовья кровати. Голова его была опущена, руки сложены на груди, а локтем он опирался о деревянную спинку кровати, чтобы сразу проснуться при малейшем движении Элиаса. Разбудил его какой-то звук, и Кадфаэль наклонился к кровати, затаив дыхание. Дело в том, что Элиас вдруг вздохнул глубоко и свободно, и вздох этот прошел по всему искалеченному телу. Больной застонал от внезапно пронзившей его боли. Ужасный хрип в горле смягчился, и он впервые глубоко втянул воздух – правда, с трудом, но жадно, как голодающий набрасывается на пищу. Кадфаэль увидел, как по лицу несчастного пробежала сильная дрожь и распухшие губы приоткрылись. Раненый высунул кончик воспаленного языка, чтобы облизать их, но у него ничего не получилось. Однако рот брата Элиаса остался открытым, и послышался долгий вздох, перешедший в стон.

У Кадфаэля возле жаровни, чтобы не остывал, стоял кувшин с вином, подслащенным медом. Он влил несколько капель в приоткрытый рот Элиаса и с радостью заметил, что неподвижное лицо с отсутствующим взглядом внезапно исказилось судорогой и бедняга с трудом сделал глотательное движение. Когда Кадфаэль дотронулся до губ раненого, они снова с жадностью приоткрылись. Так капля за каплей Кадфаэль вливал в рот раненого приготовленное питье, пока тот не перестал глотать, вероятно утолив жажду. Теперь, когда в тело несчастного проникло тепло и изнутри, и снаружи, холодное предсмертное забвение постепенно сменилось сном. Кадфаэль подумал, что при хорошем уходе через несколько дней Элиас сможет прийти в себя. Но вспомнит ли он все, что с ним произошло, – это другой вопрос. Брат Кадфаэль видал людей, выживших после подобных ранений головы, которые вспоминали каждую мелочь своего детства и далекого прошлого, но ничего не помнили об обстоятельствах, из-за которых совсем недавно оказались на краю гибели.

Он забрал остывший кирпич, лежавший в ногах раненого, и, взяв на кухне другой, уселся на табурет, чтобы продолжать бдение. Теперь, несомненно, Элиас дышал ровнее, но сон его был очень беспокоен, со всхлипами, стонами и дрожью, внезапно пробегавшей по исхудалому телу. Раза два Элиас делал мучительные попытки что-то сказать, но издавал лишь какие-то

нечленораздельные звуки. Кадфаэль наклонился к изголовью, чтобы не пропустить что-нибудь важное, но до утра не услышал ни одного внятного слова.

Возможно, привычные звуки, сопровождавшие распорядок дня в монастыре, доходили до какого-то уголка сознания страдальца, напоминая ему о монашеской жизни. Так, когда зазвонил колокол к заутрене, брат Элиас внезапно затих, веки его затрепетали, но тут же закрылись даже от приглушенного света. Горло раненого напряглось, губы попытались что-то произнести. Кадфаэль наклонился еще ниже, приблизив ухо к его рту, искаженному от попытки что-то сказать:

– ...безумие, – как показалось Кадфаэлю, произнес Элиас. – Через Кли, – горестно продолжал он, – в такой снег... – Повернув голову на подушке, раненый с усилием прошептал: – Такая молодая... своевольная... – Тут он снова начал погружаться в глубокий сон и, приложив последнее усилие, сказал слабым голосом, но совершенно ясно: – Мальчику надо было пойти со мной.

Это было все. Элиас вновь затих, и брат Кадфаэль уловил его уже более ровное дыхание.

– Брат Элиас, похоже, будет жить, – сказал Кадфаэль, когда приор Леонард зашел после заутрени осведомиться о больном. – Но его нельзя торопить.

Молодой монах, пришедший сменить Кадфаэля у постели раненого, был полон рвения и очень внимательно выслушал указания.

– Когда он начнет шевелиться, – деловито сказал Кадфаэль, – дай ему вина с медом – вот увидишь, теперь он будет пить. Сиди рядом и записывай все, что он скажет, мне это понадобится. Сомневаюсь, что тебе придется что-нибудь еще для него делать, пока я буду спать. А если брат Элиас начнет потеть, следи, чтобы он был хорошо укрыт, но все время протирай лицо: это принесет несчастному облегчение. Даст Бог, он будет крепко спать. Для него сейчас сон – лучшее лекарство.

– Ты хорошо ему все объяснил? – тревожно спросил Леонард, когда они вместе вышли. – Он справится?

– Он прекрасно справится, а нашему подопечному нужны только время и покой.

По дороге из лазарета Кадфаэль позевывал и думал, что хорошо бы сначала позавтракать, а потом как следует выспаться. После этого надо будет еще раз сменить повязки на голове и ребрах раненого, а также смазать все мелкие ссадины, которые грозят нагноением, и тогда можно будет решать, как дальше лечить брата Элиаса. Может быть, заодно удастся еще что-то узнать и насчет пропавших детей.

– А брат Элиас заговорил? Сказал что-нибудь членораздельное? – продолжал расспрашивать Леонард.

– Он упомянул о мальчике и о том, что это безумие – пытаться перейти через холмы в такой снегопад. Да, я думаю, что он встретил Хьюгонинов с монахиней и попытался привести их сюда. Но юная леди не захотела, она рвалась продолжать намеченный путь, – сказал Кадфаэль, размышляя об этой девушке, которая отважилась идти по холмам зимой, да еще в такое смутное время. – Молодая и своевольная, – повторил он слова Элиаса и подумал о том, что невинные души, как бы неразумны и несносны они ни были, нельзя оставлять в беде. – А теперь накорми меня, – попросил Кадфаэль, вспомнив наконец о своих нуждах, – а потом покажи, где мне прилечь. Пропавшими займемся позже. Но я тебе скажу, Леонард, что можно сделать прямо сейчас. Если у вас окажется постоялец, направляющийся сегодня в Шрусбери, поручи ему передать Хью Берингару, что у нас есть первые вести о тех, кого он разыскивает.

– Я непременно это сделаю. У нас тут купец из Шрусбери, торгующий тканями, – он как раз спешит к Рождеству попасть домой. Этот человек отправится в путь сегодня, после трапезы. Пойду, передам ему твое поручение немедленно, а ты скорее иди отдыхать.

До наступления ночи брат Элиас во второй раз открыл глаза, и хотя заморгал от света, но больше не стал их закрывать, а, наоборот, вдруг широко распахнул – и странный взгляд, которым он обводил комнату, выражал изумление. Только когда приор из-за плеча Кадфаэля наклонился к больному, по глазам Элиаса стало видно, что он узнал Леонарда. Губы его раскрылись, послышался хриплый шепот, полный надежды:

– Отец приор?..

– Ну-ну, брат, – ласково проговорил Леонард. – Здесь, в Бромфилде, ты в безопасности. Отдыхай и набирайся сил. Тебя крепко избили, но сейчас ты среди друзей. Ни о чем не беспокойся... Скажи, что тебе нужно.

– Бромфилд, – прошептал Элиас, нахмурившись. – У меня было поручение в этот монастырь, – он встревожено пытался приподнять голову с подушки. – Рака... она не пропала?..

– Ты донес ее в целостности и сохранности, – успокоил его приор Леонард, – Она здесь, в алтаре нашей церкви, и, когда мы водворяли ее на место, ты вместе с нами отстоял всенощную. Вспомнил? Брат, ты хорошо выполнил свое поручение и сделал все, что от тебя требовалось.

– Но как... У меня болит голова... – Слабый голос прервался, темные брови сдвинулись от тревоги и боли. – Почему мне так тяжело? Как все это случилось?

Они осторожно рассказали ему, как он покинул их монастырь, направляясь домой в свое Першорское аббатство, и как его принесли обратно избитого и израненного. Элиас радостно ухватился за название Першор, так как помнил, что жил там и отправился оттуда с поручением. Он доставил палец святой Эадбурги в Бромфилд, избегая опасного пути через Вустер. Даже здешний монастырь он постепенно вспомнил, но все, что случилось потом, совершенно выпало из его памяти. Не помнил он и о тех, кто так бесчеловечно с ним обошелся. Кадфаэль, склонившись над Элиасом, мягко напомнил:

– Ты больше не встречал девушку и мальчика, которые хотели перебраться через холмы в Годсток? Как это ни глупо, девушка хотела идти дальше, и младший брат не смог ее отговорить...

– Что это за девушка и мальчик? – озадаченно спросил Элиас и еще сильнее нахмурился. Лицо его приняло мученическое выражение.

– И монахиня – ты не помнишь монахиню, которая была вместе с ними?

Он не помнил. Попытки что-то вспомнить напрягали его, неудача вызывала ужас и отчаяние, представляясь помутненному разуму Элиаса виной. Это явно читалось в его затравленном взгляде, он страдал от того, что не мог вспомнить попутчиков и обстоятельств своего ранения. На лбу у бедняги от напряжения выступили капельки пота, и Кадфаэль осторожно вытер их.

– Не волнуйся, лежи спокойно и предоставь все Господу, а мы по мере сил поможем. Ты хорошо исполнил свой долг и теперь можешь передохнуть.

Кадфаэль и его помощники постоянно бдели у постели раненого, заботились о его телесных нуждах, смазывали раны и ссадины мазью, кормили жидким супом с овсянкой и травами, приготовленным на мясном бульоне (мясо было из скудных запасов лазарета). Кроме того, они читали у постели Элиаса молитвы, а он хмурил брови, охотясь за своими воспоминаниями, которые попрежнему ускользали от него. В ранние предрассветные часы, когда дух либо перешагивает через порог мира, либо отступает от него, раненого мучили сны и воспоминания. Кадфаэль, оставлявший за собой это самое тяжелое время, всеми силами пытался изгнать кошмары из мыслей своего подопечного, видя, как они вредны для его здоровья. Перед самым рассветом Кадфаэля сменяли, и Элиас в это время уже спал здоровым сном. Тело его исцелялось, но дух где-то странствовал, шарахаясь от воспоминаний.

И вот наступил день, когда Кадфаэль, проспав до полудня, зашел к брату Элиасу и увидел, что тот бодрствует. Брат Элиас был спокоен и послушен, боль почти его не мучила. За ним присматривал брат с большим опытом ухода за больными.

Выйдя на воздух, Кадфаэль увидел, что день был ясный и в ближайшее время ничто не предвещало изменения погоды. Хотя мороз еще держался и, значит, мог выпасть снег, сейчас светило солнце.

– За ним хорошо смотрят, – сказал Кадфаэль приору. – Я с легким сердцем могу оставить нашего подопечного на несколько часов. Моя лошадь уже как следует передохнула, а дорога сейчас неплохая – снегопада и ветра пока нет. Я доеду до Годстока и узнаю, не показывались ли там трое наших беглецов и не двинулись ли дальше, а если да, то по какой дороге. Прошло что-то около шести дней с тех пор, как брат Элиас с ними расстался, по твоим словам, в Фоксвуде. Если они благополучно добрались до земель Уэнлокского аббатства, то вполне могут сейчас оказаться в Уэнлоке или Шрусбери, и вся эта суматоха вокруг них наконец закончится. И тогда все мы сможем свободно вздохнуть.

Глава третья

Годсток, который находился в поросшей лесом и расположенной между холмами долине, принадлежал Уэнлокскому аббатству. Это был один из трех маноров, которые не сдавались в аренду. Все остальные земли обрабатывались пожизненными арендаторами. Годсток был хорошо обеспечен припасами и топливом на зиму и процветал. Перебравшись через открытые всем ветрам холмы и попав в это благословенное место, беженцы могли здесь передохнуть и не спеша двигаться дальше, переходя от одного манора к другому в обширных владениях приората.

Однако те трое, которыми интересовался Кадфаэль, не заходили в Годсток – управляющий приората был в этом совершенно уверен.

– Мы уже получили известие, что их ищут, и, хотя у нас не было особых оснований считать, что они направляются в нашу сторону, я повсюду справлялся. Ты можешь не сомневаться, брат, у нас их не было.

– Последнее место, где их видели, – это Фоксвуд, – сказал Кадфаэль. – Из Клеобери они шли вместе с братом из нашего ордена, который уговаривал их пойти вместе с ним в Бромфилд, но они хотели продолжать путь на север через холмы. Мне казалось, что они должны были попасть к вам.

– Да, ты рассуждаешь здраво, – согласился управляющий. – Но они сюда не заходили.

Кадфаэль размышлял. Он был не особенно хорошо знаком с этими местами, но все же знал их достаточно, чтобы отправиться в путь. Если беженцы здесь не проходили, то не было смысла обшаривать все вокруг. Оставалась возможность пройти по их пути в обратном направлении и поискать их следы между Годстоком и Фоксвудом, но это могло подождать еще один день. Понемногу сгущались сумерки, день клонился к закату, так что пришла пора возвращаться.

– Ну что же, – сказал Кадфаэль управляющему, – будь настороже на тот случай, если что-нибудь услышишь. Я возвращаюсь в Бромфилд. Если я пойду на юго-запад, то это, вероятно, будет кратчайший путь? Как там дорога? – Кадфаэль приехал сюда проторенной дорогой, но она не всегда шла напрямик, а он хотел срезать. Заплутать монах не боялся.

– Если ты выберешь этот путь, тебе нужно будет проехать через лес Кли. Держись так, чтобы солнце было справа, тогда не собьешься. А ручьи не помеха с тех пор, как ударил мороз.

Управляющий вывел Кадфаэля лесистой долиной на узкую прямую дорогу, которая шла между отлогими холмами, и подсказал ему, в каком направлении ехать. За спиной у монаха был огромный горб Браун-Кли, а по левую руку – мрачные неровные очертания Титтерстон-Кли. Солнце больше не сияло, оно опустилось и висело тусклым красным шаром за тонкой вуалью серого облака. Кадфаэль прикинул, что неизбежный ночной снегопад начнется еще через час-два. Воздух был холодный и неподвижный.

Проехав милю, монах оказался в лесу. На ветвях все еще лежали шапки смерзшегося снега, а в тех местах, куда проникали лучи солнца, висели длинные сосульки. Землю устилал густой слой лиственного перегноя и иголок, поэтому ехать было легко. Под деревьями было чуть теплее, чем на открытом месте. Кли был королевским лесом, но сейчас в нем чувствовалось отсутствие хозяйского глаза, как и в большей части Англии, и он по сути дела был отдан на разграбление местным дворянам, пока Стефан сражался за корону с императрицей Матильдой. Уже в десяти милях от замка и города начиналась пустынная и дикая местность. Участки леса, расчищенные под пашню, были немногочисленны и находились друг от друга на большом расстоянии. В этом лесу-заповеднике на воле бродили дикие звери, но в лютую зиму даже оленю было не выжить без помощи человека. Корма представляли слишком большую ценность, и простые землепашцы не делились ими с лесным зверьем. Только владельцы манов

ров могли подкормить дичь, чтобы она не погибла. Кадфаэль наткнулся на такую кормушку, затоптанную и разбросанную голодными животными. На снегу повсюду виднелись их следы. Возможно, лесничий все еще пытался выполнять свои обязанности, пока венценосные соперники оспаривали права на это владение.

Солнце, мелькавшее среди деревьев, висело теперь совсем низко, начали сгущаться сумерки, однако внизу было еще достаточно светло. Внезапно деревья перед Кадфаэлем расступились, и сразу стало еще светлее. Кто-то расчистил тут себе участок, и на вырубке стоял низенький домик с небольшим садом, а за ним виднелось поле. Какой-то человек загонял трех коз в загон, огороженный плетнем. Он оглянулся, встревоженный хрустом снега и шелестом замерзших листьев под конскими копытами. Это был крепкий коренастый землепашец, не больше сорока лет, в коричневой добротной домотканой одежде и в сапогах из кожи домашней выделки. Загнав своих коз, человек выпрямился и взглянул на Кадфаэля. Прищуренные глаза внимательно изучали монашескую рясу, широкое обветренное лицо всадника и высокую резвую лошадь.

– Да благословит Господь это владение и его хозяина, – сказал Кадфаэль, осадив лошадь у плетня.

– Да поможет тебе Бог, брат! – Голос у землепашца был низкий, а глаза весьма настороженные. – Куда ты путь держишь?

– В Бромфилд, друг. Я правильно еду?

– Да, верно. Так и продолжай. В полумиле отсюда будет Хоптонский ручей. Переберись через него и возьми влево, там увидишь два его притока. Как минуешь второй, дорога разветвится. Потом направо, по склону, а по ту сторону Ладлоу выедешь на дорогу в миле от монастыря.

Землепашец не спросил, каким образом бенедиктинский монах в столь поздний час оказался в таком глухом месте. Он ничего не спросил, но, хотя улыбался приветливо и на вопросы отвечал с готовностью, стоял так, чтобы загородить вход на свой участок. Его выдавали глаза – по их выражению можно было догадаться: он хочет скрыть, *что* у него за воротами, и запоминает каждое слово, чтобы правильно пересказать кому-то. Однако человек, расчистивший это место, наверняка должен быть честным и смекалистым малым.

– Благодарствую, – сказал Кадфаэль. – А теперь, коли сможешь, помоги мне еще в одном деле. Я монах из Шрусбери, а сейчас живу в Бромфилдском монастыре. Там в лазарете лежит брат нашего ордена из Першора, и я его лечу. Наш больной беспокоится о каких-то встреченных на дороге людях. Сбежав из Вустера, они направлялись в Шрусбери. Однако не захотели вместе с ним повернуть на запад, в Бромфилд, так как собирались продолжить путь на север. Скажи, не проходили ли они здесь?

И Кадфаэль принялся за их описание, уже начиная сомневаться в своем чутье, но тут его собеседник бросил быстрый взгляд через плечо в сторону своего домика. Затем снова перевел настороженный взор на монаха.

– Мимо меня такие не проходили, – твердо ответил он. – Да и чего им тут ходить? Мой дом на дороге, которая никуда не ведет.

– Те, кто странствуют в незнакомой местности, вполне могут очутиться на дороге, которая никуда не ведет, они ведь могут заблудиться. Это место не так уж далеко от Годстока, а там я уже наводил справки. Ну что же, если тебе повстречается кто-нибудь из этих троих, скажи, что их разыскивает все графство, а также Вустерское и Шрусберийское аббатства. Скажи также, что, когда их найдут, у них будет надежная охрана, куда бы они ни направились. В Вустере теперь гарнизон, который получил подкрепление, и там беспокоятся обо всех пропавших. Скажи им так, если встретишь.

Задумчивый взгляд хозяина был прикован к Кадфаэлю, а выражение лица оставалось настороженным. Наконец он кивнул и сказал:

– Я так и сделаю. Если когда-нибудь их повстречаю.

Он не сдвинулся с места и стоял у ворот, пока Кадфаэль не встряхнул поводья и не тронулся в путь. Однако когда Кадфаэль доехал до кромки леса и, спрятавшись под деревьями, оглянулся, то увидел, что хозяин скрылся в доме столь поспешно, будто у него там было срочное дело. Кадфаэль перешел на иноходь и остановился, прислушиваясь. За спиной у него раздавались приглушенные звуки – кто-то украдкой шел за ним по пятам. Шаги были легкие и быстрые. Бросив взгляд через плечо, Кадфаэль мельком увидел фигурку в синем плаще, которая быстро юркнула в укрытие. Он помешкал, позволив преследователю приблизиться, а затем, резко осадив лошадь, обернулся. Звуки тотчас же стихли, но склонившиеся ветви молодой березы задрожали, и с них посыпался рыхлый снег.

– Можешь выйти, – мягко произнес Кадфаэль. – Я монах из Шрусбери и не представляю опасности ни для тебя, ни для кого другого. Хозяин сказал тебе правду.

Мальчик вышел из укрытия и стоял на дороге, широко расставив ноги, готовый в случае необходимости сбежать или, наоборот, не двинуться с места. Это был невысокий подросток с копной каштановых волос, большими карими глазами, пристально смотревшими на Кадфаэля, с решительно сжатым ртом и твердым подбородком, что не вязалось с детской округлостью лица. Ярко-синий плащ и куртка того же цвета были запачканы и помяты, как будто он спал в лесу на земле (вероятно, так оно и было), а серые чулки порваны на коленях. Однако чувствовалось, что мальчик уверен в себе и полон достоинства, как и подобает дворянину. На поясе у него висел маленький кинжал в ножнах, украшенных серебром, – по этому предмету можно было судить о благосостоянии владельца, и это могло соблазнить многих. Однако мальчику повезло – видно, он попал в хорошие руки.

Успокоившись, мальчик приблизился на пару шагов и заговорил:

– Его зовут Турстан. Он и его жена были добры ко мне. Он сказал, что тут появился человек, которому я могу довериться, – бенедиктинский монах. Он сказал, что нас разыскивают, чтобы помочь.

– Он сказал правду. Потому что, сдастся мне, ты Ив Хьюгонин.

Мальчик кивнул:

– Да, это я. А можно мне вместе с тобой поехать в Бромфилд?

– Конечно, Ив, мне это будет в радость, и те, кто обшаривает все вокруг, разыскивая тебя, тоже обрадуются. В то самое время, когда ты покинул Вустер, твой дядя д'Анже вернулся из Святой земли в Глостер и, узнав, что ты и твоя сестра пропали, попросил орден начать поиски по всему графству. Он будет счастлив обнять тебя.

– Мой дядя д'Анже? – На лице мальчика были написаны нетерпение и в то же время сомнение. – В Глостер? Но... ведь это люди из Глостера...

– Да, я знаю, но он тут ни при чем. Не забивай себе голову раздумьями о распрях, из-за которых он не смог сам пуститься на поиски, – ни ты, ни я тут не в силах помочь. Но люди короля Стефана поклялись вернуть тебя дяде невредимым, и можешь в этом не сомневаться. Однако разыскивают троих, а ты здесь один. Где же твоя сестра и ее наставница?

– Я не знаю! – Это был настоящий вопль. Подбородок мальчика задрожал, но вскоре он мужественно овладел собой. – Я оставил сестру Хиларию в Клитоне в безопасности и надеюсь, что она и теперь там пребывает, но что было с ней, когда она обнаружила, что моя сестра... Моя сестра виновна во всем! Она ночью сбежала со своим возлюбленным. Он приехал за ней, и я уверен, что она сама послала за ним. Я бросился вдогонку, но выпал снег...

Кадфаэль вздохнул с облегчением, смешанным с тревогой и удивлением. Вот перед ним один из беглецов, теперь он никуда не денется. Вторая, монахиня, вероятно, пребывает в безопасности в Клитоне, хоть и тревожится за свою подопечную. А третья, даже если и совершила глупость, все-таки, судя по всему, под охраной того, кому она дорога и кто желает ей только добра. У этой истории еще может быть хороший конец. Кадфаэль хотел расспросить мальчика

поподробнее, но тут заметил, что сумерки уже начали сгущаться и ободок солнца опустился совсем низко. Поскольку предстояло проехать еще несколько миль, лучше всего было доставить Ива в Бромфилд и позаботиться о том, чтобы он снова не отправился в путь один и опять не потерялся.

– Ну что ж, Ив, давай-ка поедem домой, пока нас не застигла ночь. Садись в седло передо мной – ты такой легкий, что лошади не будет тяжело. Ставь ногу на мою, вот так...

Мальчик ухватился за руку Кадфаэля и, подпрыгнув, удобно устроился в седле. Вначале он был очень напряжен, но потом, расслабившись, тяжело вздохнул.

– Я поблагодарил Турстана и попрощался с ним, – тихо сказал он охрипшим голосом, словно отчитываясь в своем поведении. – Я отдал ему половину того, что оставалось у меня в кошельке, но это не очень много. Он сказал, что ему ничего не нужно и он был рад помочь, а мне больше нечего было дать, но не мог же я уехать без всякого подарка...

– Возможно, придет время и ты в один прекрасный день наведишь его, – попытался утешить мальчугана Кадфаэль, отметив про себя, что тот хорошо воспитан, понимает свое положение и связанные с ним обязательства. Да, монастырское воспитание, которое получил сей знатный отрок, заслуживает всяческого одобрения.

– Мне бы этого хотелось, – сказал Ив, уютно притулившись к плечу брата Кадфаэля. – Я хотел отдать ему свой кинжал, но он сказал, что кинжал пригодится мне самому. Да и что ему делать с такой вещью – он и показать-то ее побоится: еще подумают, что украл.

По-видимому, мальчик на время забыл о своей тревоге за судьбу Эрмины и о монахине Хиларии. Ему ведь, как говорили, всего тринадцать лет. Да, он был явно рад, что кто-то взял на себя заботы о нем.

– Как долго ты пробыл с Турстаном? – спросил Кадфаэль.

– Четыре дня. Турстан сказал, что мне лучше подождать, пока мимо не проедет какой-нибудь надежный человек. Ходят слухи о разбойниках, которые рыщут по лесам и холмам, и, если я отправлюсь в путь один, да еще в такой снег, могу снова заблудиться. Я ведь заблудился и целых два дня бродил по лесу, – сказал Ив, предаваясь тяжелым воспоминаниям. – Я спал на дереве, потому что боялся волков.

Мальчик не жаловался, а скорее изо всех сил старался не хвастаться своим мужеством. Ну что же, пусть выговорится, это ему необходимо после страхов, пережитых в одиночестве. Вот так человек, вернувшись после опасного путешествия, вытягивает ноги у очага, в котором пылает огонь. История о побеге, которую он должен рассказать во всех подробностях, может подождать до того времени, когда ее внимательно выслушают. Если все сложится хорошо, возможно, мальчик сможет указать, где искать обеих пропавших женщин, но самое главное сейчас – добраться до Бромфилда, пока еще не совсем стемнело.

Они ехали бодрой рысью, лес становился реже, а угасавший свет давал возможность различать дорогу. Первые снежинки лениво поплыли по воздуху, когда они доехали до Хоптонского ручья. Кадфаэль спешил, чтобы вести лошадь под уздцы, и путники ступили на твердый лед. Отсюда они взяли влево и, постепенно удаляясь от течения ручья, добрались до первого из притоков, впадавших в него. Все ручьи замерзли, видно, уже несколько дней тому назад. Солнце скрылось, и только на западе на свинцово-сером небе остался тусклый красноватый отблеск. Поднимался ветер, мороз начинал покусывать лицо. По лесу тут и там были разбросаны очищенные от деревьев участки и поля, иногда встречалась овчарня, грубо сколоченная из бревен. Тени изменяли очертания предметов, и только кое-где свет отражался ото льда в виде мимолетных отблесков, да там, где намело сугробы, виднелись синеватые холмики.

Второй приток, такой же неподвижный и безмолвный, извивался серебряной змеей. Он был неглубок, и его окаймляли камыши. Лошади не понравилось, что под копытами у нее лед, и Кадфаэль снова спешил, чтобы перевести животное через ручей. Гладкая зеркальная поверхность тускло блестела, но Кадфаэль внимательно смотрел себе под ноги, так как подошвы его

поношенных сапог скользили, и в какой-то момент в глаза ему бросилась призрачная белизна подо льдом. Но тут лошадь поскользнулась, затем, вновь обретя равновесие, с трудом выбралась на заиндеветшую траву на другом берегу.

Кадфаэль не сразу понял, что увидел, и никак не мог в это поверить. Еще через полчаса он бы уже не нашел то место. Пройдя шагов пятьдесят и миновав заросли кустарника, он остановился, но, вопреки ожиданиям Ива, не вскочил на лошадь, а вложил поводья в руки мальчика и с нарочитым спокойствием сказал:

– Подожди меня минутку. Нет, нам не нужно сворачивать, это еще не развилка. Я там кое-что заметил. Жди здесь!

Ив удивился, но послушно остался ждать, а Кадфаэль повернул к замерзшему ручью. Да, ему не померещилось, и это был не отблеск – белизна подо льдом была на том же месте. Он опустился на колени, чтобы взглянуть поближе.

Его коротко стриженные волосы буквально встали дыбом. Это был не годовалый ягненок, как ему сначала показалось. Нечто более изящное, стройное и белое. Словно из-под стекла на него смотрел открытыми глазами жемчужный овал девичьего лица. Маленькие нежные руки застыли в том положении, как их прихватило морозом, – раскрытые и приподнятые, словно в мольбе. Белело ее тело и сорочка – это все, что на ней было. На груди виднелось какое-то пятно – правда, такое неясное, что при пристальном взгляде оно исчезло. Лицо было хрупкое, нежное и юное.

Это действительно был ягненок. Заблудшая овечка, агнец Божий, раздетый, изнасилованный и убитый. Восемнадцать лет? Вполне возможно.

Если судить по этому признаку, Эрмина Хьюгонин была найдена и в то же время потеряна навсегда.

Глава четвертая

В такой час и в одиночку Кадфаэль ничего предпринять не мог; к тому же, если бы он еще помедлил, к ручью мог явиться мальчик, чтобы узнать причину задержки. Поспешно поднявшись с колен, брат Кадфаэль вернулся к лошади, которая била копытом и волновалась: ей не терпелось вернуться в стойло. Мальчик озирался, ожидая Кадфаэля, скорее с любопытством, нежели с беспокойством:

– Что там такое? Что-нибудь случилось?

– Ничего такого, о чем стоило бы волноваться. – Сказав это, брат Кадфаэль ощутил острую боль и подумал: «Да, тебе не надо волноваться до тех пор, пока не придет время обо всем узнать. Но сначала мы накормим тебя и обогреем, а когда ты будешь уверен, что твоя собственная жизнь в безопасности, тогда и узнаешь правду». Вслух он произнес: – Мне показалось, что там овца, вмерзшая в лед, но я ошибся. – Сев на лошадь, он взял у мальчика поводья. – Нужно поторапливаться, а то мы не успеем в Бромфилд до темноты.

У развилки они повернули направо, следуя совету Турстана, – дорога шла прямо по холму, и ехать было легко. Крепкое тело мальчика отяжелело и обмякло, каштановая головка сонно свесилась на плечо. «Уж тебя-то мы уберем от опасности, – подумал Кадфаэль, онемев от горя и гнева, – а вот сестру твою не смогли спасти».

– Ты не назвал своего имени, – зевая, сказал Ив. – Я не знаю, как тебя называть.

– Меня зовут брат Кадфаэль, я валлиец из Трефрива, но теперь живу в Шрусберийском аббатстве. Куда вы и держали путь, как я понимаю.

– Да, это так. Но Эрмина – так зовут мою сестру – всегда должна настоять на своем. У меня гораздо больше здравого смысла, чем у нее! Если бы она прислушалась ко мне, мы бы не разлучились и сейчас уже были в безопасности в Шрусбери. Я хотел идти в Бромфилд с братом Элиасом – ты же его знаешь! – и сестра Хилария тоже этого хотела, но у Эрмины были другие намерения. Это она во всем виновата!

«Да, своевольная девушка была виновата, – горестно подумал брат Кадфаэль, прижимая к себе юного судью, доверчиво к нему прислонившегося. – Но ее небольшие проступки, конечно, не заслуживают такого страшного наказания. Ей не дали ни минуты на размышления и раскаяние. Эта юность погибла из-за своего безрассудства – а ведь юности должны быть позволены безрассудства на пути к зрелости и здравому смыслу».

Они выехали на протоптанную дорогу между Ладлоу и Бромфилдом.

– Слава Богу! – сказал брат Кадфаэль, увидев факелы возле сторожки у ворот – эти желтые земные звезды, светившие сквозь сгущавшуюся тонкую снеговую завесу. – Мы приехали!

Въехав в ворота, они увидели, что во дворе царит суматоха. На снегу лошадиные копыта выбили замысловатые узоры. Около конюшни суетились два-три конюха, явно не имевшие отношения к монастырю, – они чистили лошадей и ставили их в стойла. У дверей странноприимного дома приор Леонард вел серьезную беседу с молодым человеком в плаще с капюшоном. Хотя последний стоял спиной к Кадфаэлю, тот сразу же узнал его. Хью Берингар явился сюда собственной персоной, услышав первые новости о пропавших Хьюгонинах, и, судя по всему, привез с собой несколько человек.

Слух у Хью был чуткий, и, повернувшись к вновь прибывшим, он быстро пошел им навстречу. Приор в нетерпении последовал за ним, обнадеженный, так как увидел рядом с братом Кадфаэлем мальчика.

К тому времени, когда они подошли, Кадфаэль уже спешил, а Ив, взволнованный и ослепленный светом факелов, преодолел свою сонливость и собирался с силами, чтобы с достоинством встретить незнакомцев. Взявшись за луку седла, мальчик соскочил на снег. При его

небольшом росте это было нелегко, но он приземлился как акробат и сразу выпрямился под одобрительным взглядом Берингара, которого эта сцена явно позабавила.

– Ив, поклонись господину Хью Берингару, помощнику шерифа этого графства, – сказал Кадфаэль. – А также приору Леонарду, хозяину, который тебя здесь принимает. – А пока мальчик торжественно отвешивал поклоны, монах тихонько обратился к Хью: – Не спрашивай его пока ни о чем, а сразу веди в дом!

У них выработалась привычка понимать друг друга с полуслова, и на этот раз тоже не было осечки. Ива быстро увели. Мальчик удалился с довольным видом в сопровождении приора Леонарда, который ласково обнимал его за плечи. Сейчас юного беглеца обогреют, накромят, уложат спать и вообще окажут ему всяческое гостеприимство. Он совсем еще ребенок и сегодня ночью крепко заснет. Его воспитали в монастыре, и, когда зазвонит колокол, призывающий в церковь на службу, он только пошевелится во сне.

– Ради Бога, – сказал брат Кадфаэль, испустив тяжелый вздох, как только Ив скрылся из виду, – давай войдем в дом и поговорим в спокойном месте. Я никак не ожидал тебя здесь увидеть, зная твои семейные обстоятельства... Пока нам еще мало известно о наших беглецах, и я не думал, что эти новости оторвут тебя от дома, от Элин. Хотя слава Богу, что ты здесь!

Берингар дружески взял монаха под руку и поспешно вошел с ним в дом приора. Он внимательно взглянул на брата Кадфаэля, когда они на пороге сбивали снег с сапог и отряхивали плащи.

– У меня дома все в полном порядке, – сказал Хью, но не улыбнулся. Он вышел встречать друга, ожидая добрых вестей, но тот был так серьезен, что вид его не сулил ничего хорошего. – Я вижу, что-то тяготит твою душу, дружище, но, по крайней мере, ты можешь быть спокоен относительно того, как обстоят дела в Шрусбери. В тот самый день, когда ты уехал, у нас родился сын – чудесный крепыш, светловолосый, как и его мать. Оба прекрасно себя чувствуют. И, в довершение радости, молодая женщина из Вустера назавтра тоже подарила своему мужу сына. Дом полон ликующих и хлопочущих женщин, и никто не заметит моего отсутствия в эти несколько дней.

– О Хью, какие чудесные новости! Я счастлив за вас обоих, – воскликнул брат Кадфаэль, подумав, как это хорошо и правильно, что новая жизнь возникает, бросая вызов смерти. Он встряхнул головой и спросил: – А как она это перенесла? Ей не пришлось слишком туго?

– О, у Элин просто дар! Она слишком чиста, чтобы думать, что такая радость, как рождение ребенка, может быть связана с болью, поэтому ничего такого и не чувствовала. Честное слово, если бы не возникло это дело, меня бы все равно на эти дни под каким-нибудь предлогом выставили из собственного дома. Так что все в порядке, и весть от вашего приора пришла очень кстати. Со мной три человека, а еще двадцать два я разместил в замке у Жоса де Динана в Ладлоу, чтобы они были под рукой, если понадобятся. К тому же не мешает дать ему урок, если он все еще колеблется и думает, не перебежать ли на другую сторону. Теперь ему не приходится сомневаться, что я за ним слежу. А сейчас, – заключил Хью, войдя в гостиную приора и пододвинув стулья поближе к огню, – твой черед рассказывать, и, хоть убей, мне ни за что не угадать, чего ожидать. Ты въехал во двор, везя в седле мальчика, которого мы разыскиваем, но при этом мрачен, как туча, а должен бы сиять от радости. И я не мог от тебя добиться ни слова при мальчике. Где ты его нашел?

Кадфаэль, который во время поездки устал и окоченел, с легким стоном откинулся на спинку стула. Спешить пока не нужно. Ночью им все равно не найти то место, особенно сейчас, когда поднялся ветер и снегопад меняет очертания местности. Очищаются склоны холмов, заполняются ложбины, и то, что вчера было скрыто под снегом, теперь открывается. Можно позволить себе спокойно посидеть у огня, чувствуя, как согреваются ноги, и не спеша рассказать о своих открытиях – все равно до утра ничего нельзя поделать.

– Я нашел мальчика на вырубке в лесу Кли, в доме почтенного крестьянина и его жены. Они не позволили мальчику подвергать себя опасности и идти одному через лес, пока мимо их дома не пройдет кто-нибудь, кому можно доверять. Меня сочли подходящим спутником для Ива, и он охотно отправился в путь вместе со мной.

– Но он был там один? Жаль, что ты не нашел и его сестру, – с гримасой сожаления заметил Хью.

– Я как раз того и боюсь, что *нашел* ее, – мрачно ответил Кадфаэль и прикрыл глаза: от тепла у него отяжелели веки.

Молчание, следовавшее за этими словами, показалось долгим. Невозможно было усомниться в значении последней фразы.

– Мертва? – резко спросил Хью.

– И холодна. Холодная, как лед, и погребена во льду. Первый же сильный мороз заключил ее в хрустальный гроб, сохранив тело нетронутым, чтобы мы могли найти убийцу.

– Рассказывай, – сказал Хью, сидевший неподвижно и слушавший с напряженным вниманием.

И Кадфаэль рассказал ему все. Эту историю придется повторить, когда придет приор Леонард, так как он тоже должен будет помочь мальчику, уже потерявшему родителей, пережить новую тяжелую утрату. Но пока что брат Кадфаэль с облегчением сообщил все подробности Хью, словно деля с ним ответственность.

– Ты сможешь снова найти это место?

– При дневном свете – да, а в темноте нечего и пытаться. Нас ждет страшное дело... Нужно захватить с собой топоры, чтобы вырубить ее изо льда, если только не начнется оттепель. – На это была слабая надежда, так как ничто не предвещало потепления.

– Мы подумаем об этом на месте, – угрюмо сказал Хью. – А сегодня нам бы надо еще выслушать рассказ мальчика: возможно, мы узнаем таким образом, как она оказалась там, где ты на нее наткнулся. А где же монахиня?

– По словам Ива, она осталась в Клитоне, в довольно безопасном месте. А девушка – бедняжка! – сбежала с возлюбленным. Но я ничего не сказал мальчику о своей находке: уже смеркалось и надо было срочно доставить Ива в Бромфилд – хотя бы его одного.

– Да, ты правильно поступил. Подождем, пока мальчик согреется, поест и успокоится, и тогда поговорим с ним вместе с приором. Будем надеяться, нам удастся вытянуть из него все, что он знает, не сообщая ему о смерти сестры. Хотя завтра ему все-таки придется все узнать, – печально добавил Хью. – Ведь он должен опознать эту бедную девушку.

– Да, но сегодня мы ничего ему не скажем. Пусть он хорошенько выспится. Времени будет достаточно, когда мы ее сюда доставим и, приведя тело в порядок, покажем ему.

Почувствовав себя в безопасности и поужинав, Ив приободрился, его природная жизнерадостность сделала свое дело. Перед повечерием он сидел в гостиной приора лицом к лицу с такими внимательными слушателями, как Хью Берингар, приор Леонард и брат Кадфаэль, подробно и искренне излагая свою историю.

– Она очень смелая, – он хотел быть беспристрастным, отдавая должное своей сестре, – но очень упрямая и своевольная. Вся дорогу от Вустера я чувствовал, что у нее что-то на уме и она непременно воспользуется нашим побегом. Сначала мы пробирались окольным путем, поскольку отряды солдат из Глостера бродили даже на большом расстоянии от города. Мы двигались медленно, и поэтому ушло много времени, чтобы добраться до Клеобери. Там мы остановились на одну ночь. Брат Элиас тоже был там, и он дошел вместе с нами до Фоксвуда. Он хотел, чтобы мы вместе с ним направились в Бромфилд – так было бы безопаснее. Я тоже этого хотел, и сестра Хилария. Оттуда нас бы проводили до Шрусбери, а крюк был ведь совсем небольшой. Но Эрмина этого не желала! Она всегда должна настоять на своем! Ей *непрерывно*

надо было перебраться через холмы в Годсток. С ней бесполезно спорить, она никогда меня не слушает и заявляет, что поскольку она старшая, то умнее. А если бы мы решили пойти с братом Элиасом, она бы все равно отправилась на холмы одна. Что же нам было делать? Пришлось пойти вместе с ней. – Ив с негодующим видом надул губы.

– Конечно, вы не могли оставить ее, – согласился Берингар. – Итак, вы продолжили путь и провели следующую ночь в Клитоне?

– Это место недалеко от Клитона, там хозяйство, которое стоит особняком. У Эрмины была няня, которая вышла замуж за арендатора этого манора, так что мы знали, что сможем там заночевать. Имя этого человека Джон Друэль. Мы приехали туда днем. Уже после я вспомнил, что Эрмина сразу же переговорила наедине с сыном хозяина, и мы не видели этого малого до самого вечера. Тогда я не придавал этому значения, но теперь уверен, что она послала его передать весточку. Именно это она и задумала с самого начала. Потому что поздно вечером явился какой-то человек с лошадьми и увез ее. Услышав шум, я встал и выглянул в окно... Там стояли две лошади, и он как раз помогал ей вскочить в седло...

– *Он?* – переспросил Хью. – Ты его знал?

– Я не знаю имени этого человека, но его самого помню. Когда был жив мой отец, он иногда появлялся в нашем доме – в дни охоты или на Рождество и Пасху. К нам приезжало много гостей, и в доме всегда бывали люди. Должно быть, это сын или племянник одного из друзей отца. Я никогда не обращал на него особого внимания, да и он меня не замечал – я был слишком мал. Но я помню его лицо, и я думаю... Я думаю, что он время от времени навещал Эрмину в Вустере.

Должно быть, это были весьма чинные визиты, всегда в присутствии монахини.

– Получается, она послала ему весточку, чтобы он приехал и забрал ее? – спросил Хью. – Это не было похищением? Она поехала с ним охотно?

– Она поехала *с радостью!* – негодуя заявил Ив. – Я слышал, как она смеялась. Да, она послала за ним, и он приехал. Вот почему она пожелала ехать тем путем: у него, должно быть, поблизости манор, и она знала, что может вызвать его к себе. У нее будет большое приданое, – величественно сказал наследник барона, и его круглые детские щеки ярко вспыхнули. – И моя сестра никогда бы не допустила, чтобы ее брак был заключен не по ее выбору. Я не знаю ни одного правила, которое она бы бессовестно не нарушила...

Его подбородок задрожал, но Ив сразу же справился с этой слабостью. Все высокомерие и гордость анжуйских и английских знатных фамилий умещались в этом мальчике, и он любил сестру столь же сильно, сколь и ненавидел. Да, они правильно решили: Ив не должен увидеть ее в одной сорочке, оскверненную и погребенную во льду.

Хью между тем продолжал свои расспросы.

– И что же ты сделал?

– Кроме меня, никто ничего не услышал, – сказал Ив, овладев собой. – Разве что парень, который доставил ее весточку, а ему, разумеется, было приказано ничего не слышать. Я спал одетым, так как была всего одна кровать, которую делили женщины. Я сразу же кинулся на улицу, чтобы их остановить. Пусть она старше меня, но это же я наследник отца! Теперь я глава нашей семьи.

– Но пешком ты вряд ли мог за ними угнаться, – перебил его Хью, возвращая мальчика к действительности. – И они уехали, прежде чем ты смог их задержать?

– Конечно, я не мог их догнать, но продолжал следовать за ними. Пошел снег, и они оставляли следы. Я знал, что они не могли уйти далеко. Настолько далеко, чтобы я совсем отстал. – Он закусил губу. – Я шел по их следам, сколько было можно. Пришлось идти в гору, поднялся ветер, а снега было так много, что следы скоро занесло. Я сбился и не мог найти дорогу ни вперед, ни назад. Я пытался придерживаться того направления, которое они должны были выбрать, как мне казалось. Так и не знаю, сколько я проплутал и куда забрел. Я совсем

заблудился. Провел всю ночь в лесу, а на следующую ночь меня нашел Турстан и привел к себе домой. Брат Кадфаэль знает. Турстан сказал, что по лесу бродят разбойники и мне нужно остаться у него, чтобы подождать, пока мимо не пройдет какой-нибудь надежный человек. Так я и сделал. А теперь я не знаю, – сказал Ив, снова становясь маленьким мальчиком, – куда уехала Эрмина со своим возлюбленным и что стало с сестрой Хиларией. Проснувшись, она обнаружила, что мы с Эрминой исчезли, и я представляю, что с нею было! Но вместе с ней были Джон и его жена, а они, конечно, не дадут ей попасть в беду.

– Этот человек увез твою сестру, – сказал Берингар. – Ты не знаешь его имени, но помнишь, что он был принят в доме твоего отца. Если у него манор в горах неподалеку от Клитона, то мы, конечно, найдем его. Насколько я понимаю, если бы твой отец был жив, этот человек мог искать руки твоей сестры?

– О да, я полагаю, что вполне мог, – серьезно сказал Ив. – К нам ездило много молодых людей, и Эрмина, когда ей было всего четырнадцать-пятнадцать лет, каталась верхом и охотилась с лучшими из них. Все они были люди состоятельные или наследники хороших имений... Но я никогда не замечал, чтобы она кому-то отдавала предпочтение. – (В то время Ив играл в солдатиков и падал со своего первого пони, так что его особенно не интересовали ни сестра, ни ее поклонники.) – Этот молодой человек очень красив, – великодушно признал мальчик. – Гораздо красивее, чем я. И выше, чем ты, сэр, – сказал он, обращаясь к Хью. Не он один с первого взгляда недооценивал Берингара, фигура которого, при среднем росте, была словно отлита из стали. – Думаю, ему лет двадцать пять. Но я не знаю его имени. У нас там бывало много народу.

– Возможно, Ив, ты сможешь нам еще в одном деле, – сказал брат Кадфаэль. – Мне бы хотелось задержать тебя на несколько минут, прежде чем ты пойдешь спать. Ты говорил нам о брате Элиасе, с которым расстался в Фоксвуде.

Мальчик кивнул, с удивлением взглянув на Кадфаэля.

– Брат Элиас здесь, в лазарете. После того как он отправился в обратный путь, выполнив поручение, ночью на него напали разбойники и сильно избили. Его нашли крестьяне и принесли сюда. Я уверен, что теперь он поправится. Однако Элиас не смог рассказать нам, что с ним случилось. Во сне его мучают кошмары. А когда он просыпается, то ничего не может вспомнить. В забытии он упоминал тебя, хотя и не называл твоего имени. «Мальчику надо было пойти со мной» – так он говорил. А вдруг, если теперь он увидит тебя, целого и невредимого, к нему вернется память? Ты сходишь к нему вместе со мной?

Ив, несколько обеспокоенный, с готовностью поднялся. При этом он взглянул на Берингара, желая удостовериться, что больше ему не нужен.

– Мне жаль, что он попал в беду... Он добрый... Да, конечно, если я что-то смогу для него сделать...

По пути в лазарет, когда его никто не мог увидеть, Ив совсем по-детски взял брата Кадфаэля за руку, и тот пожал ее, успокаивая мальчика.

– Он сильно избит и обезображен, но ты не пугайся. Это пройдет, можешь мне поверить...

Брат Элиас лежал безмолвный и неподвижный, а молодой послушник читал ему житие святого Ремигиуса. Раны уже начали заживать, кровоподтеки бледнели, и боль почти не мучила беднягу. Он съедал то, что ему приносили, а когда колокол звонил, созывая к службе, губы его беззвучно шевелились, повторяя слова литургии. Глаза Элиаса были открыты, и он посмотрел на мальчика, не узнавая его. Потом взгляд его снова переместился в затененный угол комнаты. Ив на цыпочках подкрался к кровати и широко раскрытыми глазами смотрел на раненого.

– Брат Элиас, Ив пришел тебя навестить, – сказал Кадфаэль, подойдя поближе. – Ты помнишь Ива? Это мальчик, которого ты встретил в Клеобери, а расстались вы в Фоксвуде.

Но лишь слабая дрожь пробежала по измученному лицу, выражавшему покорность, да в глазах появилась сильная тревога. Ив отважился подойти совсем близко и робко дотронулся до длинной вялой руки, лежавшей на покрывале, но она осталась холодной и безответной.

– Мне жаль, что тебя изранили. Мы прошли несколько миль вместе. Лучше бы мы остались в твоём обществе и дальше...

Брат Элиас пристально смотрел на мальчика, беспомощно качая головой, и его начала бить дрожь.

– Нет, его надо оставить в покое, – Кадфаэль вздохнул. – Если мы будем настаивать, он совсем разволнуется. Тут нельзя торопиться. Пусть хотя бы тело его окончательно выздоровеет, а память может подождать. Имело смысл сделать эту попытку, но он еще не готов. Пойдем, Ив, ты с ног валишься от усталости, нужно уложить тебя в постель.

Брат Кадфаэль, а также Хью со своими людьми поднялись на рассвете и вышли за стены монастыря. За ночь мир снова изменился: бугры сровнялись, ложбины заполнились снегом, и над каждым холмиком ветер трепал плюмаж из снежной пены. Они взяли с собой топоры и носилки, сооруженные из кожаных ремней, натянутых между двумя палками. Захватили и льняную простыню, чтобы прикрыть покойницу. Шли в угрюмом молчании – никому не хотелось говорить, пока предстоящая им страшная работа не заставит обменяться самыми необходимыми словами. Снегопад прекратился, как обычно, после восхода солнца. Так было и в ту ночь, когда Ив упорно шел по следу сбежавшей сестры. А на следующую ночь ударили сильные морозы, и кто-то изнасиловал и убил девушку; и вот сейчас они шли разыскивать ее ледяную могилу. Это случилось именно в ту ночь, потому что ее бросили в уже застывавший ручей, и она сразу же вмерзла в лед. В этом Кадфаэль был уверен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.